

МИЛЕНА ЯНГ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

БЕЗМОЛВНЫЙ
МЯТЕЖНИК

18+

Милена Янг

Безмолвный мятежник

<https://litres.ru/74268682>

SelfPub; 2026

Аннотация

Немой рассадник хаоса.

Все, чего когда-либо желал Арден Грейсон - она. Единственное создание, которое не видело в нем монстра. Единственная, кому он не хотел причинять боль. Его запретная одержимость, его собственность, его погибель. Нильде Йохансен. Однажды он позволил тьме вырваться, и принцесса убежала. Сказка разрушилась. После трагедии, которая произошла с ее братом, Нильде жаждет мести. Спустя долгие годы она возвращается, чтобы найти виновника в логове врагов. Он не остановится, пока не завладеет тем, что считает своим. Ее душой. Ее телом. Ее сердцем. Даже если придется его вырвать из груди. Что может быть хуже ненависти монстра? Только его любовь.

Содержание

Посвящение	4
Глава 1	7
Глава 2	104
Глава 3	161
Конец ознакомительного фрагмента.	204

Милена Янг

Безмолвный мятежник

Посвящение

Королевам, которые мечтали о немом злодее с семью пирсингами, жаждущим познакомить вас со своими скорпионом... во всех смыслах.

Заприте окна. Он уже рядом.

Плейлист:

Do I Wanna Know? — Arctic Monkeys

Doubt — Twenty One Pilots

House of Balloons — The Weeknd

Bathroom — Montell Fish

Friends — Chase Atlantic

Darkside — Neoni

Call Out My Name — The Weeknd

Dark Paradise — Lana Del Rey

The Walls — Chase Atlantic

The First Time — Damiano David

Often — The Weeknd

Bye — Altare

Afraid — The Neighbourhood

Astronomy — Conan Gray

The Hills — The Weeknd

Sparks — Coldplay

The Cut That Always Bleeds — Conan Gray

Предупреждения о триггерах :

Дорогой читатель, это очень мрачный роман с элементами триллера, который может вызвать у кого-то тревогу. Я пишу про морально серых и психически травмированных героев. Пожалуйста, ознакомьтесь со списком триггеров, прежде чем приступить к чтению.

Сомнофилия (парафилия, при которой человек испытывает сексуальное возбуждение от того, кто находится в бессознательном состоянии), мутизм (приобретенная немота), кинк на кровь, включающий в себя сексуальное возбуждение от ее вида, вкуса и использования в определенных ситуациях, *Primal kink* — фетиши, основанный на животных инстинктах: охота за добычей, преследование, укусы, царапанье, грубый контакт. Игра с удушением, игра с животным, игра со страхом, игра с оружием, игра с маской, эксгибиционизм, антисоциальное расстройство личности, ПТСР, биполярное расстройство, детальное описание сцен насилия — убийств, пыток, смерть домашнего питомца из-за жестокого обращения.

Примечание: Прямая речь Ардена (Брута) на протяже-

нии всей книги будет оформлена курсивом, поскольку он общается на ASL.

Безмолвный мятежник — это первая часть самостоятельной трилогии.

Глава 1

Что ощущает человек, обнаруживший уродливый секрет близкого, но вынужденный об этом молчать?

Когда фасад рушится, и ты видишь то, что сокрыто от чужих глаз. Когда ты знаешь *все*, но не можешь — не имеешь права рассказать другим. Когда день изо дня страшная правда съедает тебя изнутри...

Что ощущает человек, который хранит не одну такую тайну — а сотни?

Нильде Йохансен знала ответ.

Лучше, чем никто другой.

Беспомощность. Затхлую, черную пропасть, которая разрушает тебя. Ты хочешь помочь, но терпишь поражение. Потому что он... не хочет этого.

Боль. Всегда боль.

Сердце изнывало каждый раз, когда она прокручивала в голове произошедшее. Все, о чем не могла поговорить ни с кем.

Бездна вины.

«Может, я должна была быть внимательнее к нему?»

«Может, я была плохой сестрой?»

«Может, мне не следовало его слушать?»

«Может, я должна была изначально рассказать обо всем родителям?»

«Может, если бы я поступила иначе, этого кошмара бы не случилось?»

Нильде захватила фонарик, собирая вещи в свой маленький рюкзак. Там уже лежал электрошокер и, конечно, ее любимый пистолет. Маленький набор уважающей себя девушки.

«Люблю, как он ощущается в моей руке. Совершенство». М1911 ей нравился по многим причинам. Он весьма успешно себя зарекомендовал на... практике. Быстрый спусковой крючок. Шесть стальных магазинов по семь патронов. Ей требовался лишь один, чтобы организовать встречу с Создателем любому ублюдку. Их счастье, что Нильде использовала свой навык только в целях защиты.

В рукопашном бою хрупкой девушке с больным сердцем было невозможно победить — а самооборона в их жестоком мире была первостепенной. Ей было пятнадцать, когда на них совершили нападение. Ни одна пуля не прошла мимо.

С тех пор Нильде никогда не расставалась с пистолетом. Он всегда был с ней. Заряжен. За поясом, в сумочке, под подушкой. Даже дома, где всегда безопасно.

Именно папа научил ее всему.

Несмотря на то, что Дамиан считал Нильде своей маленькой королевой и носил на руках, он никогда не относился к ней, как к несведущей. Не лгал. Не отмахивался, не говорил, что девочкам не стоит заниматься подобным. Нет.

Дамиан лично занимался ее подготовкой и никогда не да-

вал спуску. В этом мужчина был строг. Он обращался с дочерью во время тренировок, как с одним из своих солдат. Четкие приказы. Устала — отдыхаешь минуту и возвращаешься в строй. Учил дисциплине. И выработал в Нильде стойкость. Она никогда не жалела себя, предпочитая тратить энергию на более важные вещи.

«Мы с папой так похожи...» — мягкая улыбка заиграла на лице девушки, пока она продолжила упаковывать вещи.

Ни для кого не было секретом, что Дамиан Йохансен был героем Соединенных Штатов, агентом ФБР, который смог остановить одну из крупнейших преступных группировок — якудз, захвативших большую часть черного рынка. В ходе операции он защитил своего товарища почти ценой своей жизни — тело мужчины сгорело больше, чем на сорок процентов. Чудо, что его удалось спасти. Он перебил заново свои татуировки, а благодаря любви жены и ее заботе перестал беспокоиться со временем о своих шрамах. Она всегда напоминала, как сильно любит в Дамиане каждую часть. Даже что-то, что казалось ему самому когда-то ужасным.

Кроме того, ее отец был генеральным директором одной из крупнейших в мире юридических компаний. Слава о Дамиане, как об юристе с нулевым коэффициентом проигранных дел, шла впереди него. С каждым годом он становился лишь влиятельнее.

...Но была часть Дамиана Йохансена, сокрытая для других.

Об этом не писали в газетах и интернет-статьях. Об этом не вещали по телевизору. Не рассказывали в новостях.

Темная часть, из-за которой Нильде пришлось научиться стрелять.

Та, которая таилась в тени.

Часть, которая отличала их от других знаменитостей или бизнесменов.

Часть, которую знала лишь семья.

Ее отец был Боссом итальянском мафии.

Закончив собирать «реквизит» на вылазку, Нильде приступила к гардеробу.

Когда-то давно папа отказался от поста. Он вышел из игры, разорвал все связи. Ради них — Огонька, сыновей и дочери.

Престол перешел к его дяде — Джейсону Каstellо. Или Гринбергу, как он привык называть себя под прикрытием.

Так продолжалось несколько лет, пока тот не совершил сделку с мексиканцами. Нильде не вдавалась в подробности — ей было лишь известно, что Гринберг угодил в картель. И его место, конечно же, занял Дамиан.

Он сделал все для того, чтобы спасти дядю. Искал изо дня в день. И, в конце концов, сумел вытащить из плена. А потом Йохансен сравнял то место с землей.

Вито Каstellо — прежний босс и дедушка Дамиана, настаивал на том, чтобы Дамиан не покидал пост.

Но он и сам на этот раз не собирался уходить.

Больше нет.

Дамиан Йохансен занял место, которое было ему предназначено с самого начала.

Как бы он ни пытался избежать этого — все пути вели к одному.

И он принял.

Нильде знала, что отец мог быть жестоким, но никогда — несправедливым. Первым принципом Дамиана было не убивать, если существовала вероятность избежать подобного исхода. Не вредить невинным людям. Это было обещание, данное жене, когда они были еще подростками, и он его достойно сдерживал.

Нильде знала, что отец пытал предателей или тех, на кого охотился — имеющих власть на черном рынке. Насильников, монстров, педофилов. Дамиану удалось спасти тысячи жизней. Невинных девушек, детей, проданных в рабство, похищенных, переживших ад. Он использовал свою власть во благо другим. Вместо того, чтобы эгоистично упиваться богатством и ожесточиться, Дамиан оставался верным своим принципам и предпринимал все для того, чтобы улучшить этот поганый мир в меру своих возможностей.

Нильде восхищалась им. Она любила отца всей душой, каждой частичкой.

Как и маму.

Она была их светом, нежная, заботливая, полностью посвятившая себе семье.

И при этом — сильная, отважная, талантливая. Когда Эвелин заходила в комнату — атмосфера сразу менялась. Становилось теплее, ярче, легче на душе. Одним своим присутствием она заряжала людей.

Эви была широко известным человеком в мире юриспруденции, имела докторскую степень в области международного права, сотрудничала с ООН, будучи одним из экспертов независимой организации. Она давно уже не преподавала, вместо этого сосредоточившись на руководящей должности их компании.

Нильде не помнила ни дня, чтобы мама сидела, сложа руки. Она постоянно развивалась, изучала новое, совершенствовала свои знания, а если этого было недостаточно — бралась за другие сферы.

Впрочем, как и ее отец — с двумя высшими образованиями, он владел семью языками и закончил в свое время с отличием Гарвард.

И это чертовски сильно мотивировало Нильде. Они оба. Она считала их главным стимулом для своего развития. Брала пример.

Папа мог раздавать приказы своим подчиненным, как и мама — быть боссом в компании, но с детьми и друг с другом они были...

«Лучшими».

Она не могла мечтать о более любящих родителях, чем они.

И мама, и папа так сильно старались сделать все для их счастья.

Они одинаково любили каждого из своих малышей.

Николая, которого усыновили, когда Нильде была еще совсем крошкой.

Старшего сына Кайдена.

И единственную дочь.

Их драгоценной малышке внимания доставалось больше всех.

Но тому была весомая причина — Нильде болела.

Неизлечимо болела. Синдром слабости синусового узла поразил ее маленькое сердце еще в четыре года...

Болезнь перешла девочке от отца.

Мама болела диабетом, но недуг обошел Нильде стороной. Впрочем, «подарка» с больным сердцем хватало с лихвой.

Дамиан узнал о своей болезни будучи совершеннолетним. Ему почти сразу имплантировали кардиостимулятор, он регулярно принимал лекарства и жил так, как любой другой здоровый человек.

В случае с Нильде все было не так просто.

Приступы тахикардии в детстве постоянно рецидивировали и были непредсказуемыми — даже ЭКГ не сумело полностью защитить девочку от рисков.

Когда ей было одиннадцать, она пережила клиническую смерть.

И с тех пор все только сильнее стали ее опекать.

Иногда это сводило Нильде с ума.

Она не посещала школу — была на домашнем обучении. Не могла завести друзей, играть с такими же детьми, ходить на занятия...

Но не из-за гиперопеки или прихоти родителей.

Они были вынуждены. Состояние здоровья Нильде тогда не позволяло вести нормальный образ жизни. Это сейчас, к совершеннолетию, все стабилизировалось.

Последнюю операцию Нильде провели два года назад, и с тех пор ничего серьезного не происходило. Ее кардиолог говорил, что лечение принесло неожиданно хорошие результаты.

Пустой взгляд Нильде остановился на зеркале.

Он может умереть.

Может попытаться совершить ЭТО снова.

И тебя не будет рядом.

Кто, интересно, виноват во всем?

Вспышка ярости заставила Нильде стиснуть зубы.

— Заткнись, тупой внутренний голос. Seriously, завали,
— процедила она. — Это не моя вина. Но я собираюсь все исправить.

Сегодня она разорвет этот адский круг. Прoberется в логово врага.

— Ради тебя, братик. Виновные получают возмездие. Я стану их темным жнецом. И принесу их голову к твоим ногам.

Ты заслуживаешь целый мир.

Проклятье.

В глазах защипало, и она раздраженно вытерла их тыльной стороной ладони.

Хорошие девочки не плачут.

Они фальшиво улыбаются, наивно хлопают ресничками и ведут себя, как красивые фарфоровые куколки.

— Какая жалость, что я не хорошая, — насмешливо пробормотала Нильде, размазывая растекшуюся тушь. — Предпочитаю быть жнецом анархии.

«Диор проверку, кстати, провалил».

Она тщательно поправила легкий макияж.

Для сегодняшней миссии у нее было особое настроение.

Нильде никогда не наносила много косметики. Максимум — нежно-розовый блеск для губ и тушь.

Она нравилась себе такой, какой была.

Из зеркала на нее смотрела хрупкая девушка. Синие, как глубокий океан, глаза. Пухлые, красивые губы. Россыпь веснушек на щеках и маленьком носике. Рыжие волосы спадали до самой поясницы густым каскадом локонов. Она, как и всегда, заплела в них атласные ленты. Сегодня — белые. Они сочетались с пышным коротким черным платьем в готическом стиле. Оно было с изящным корсетом, кружевной отделкой, украшенное черными бантиками и шнуровкой, сзади переходящее в длинные кружевные юбки. Ее любимый стиль. Массивные ботинки с огромным каблуком от Naked

Wolf дополняли образ.

Ядовитая и очаровательная.

Она была вооружена до зубов.

«Сумочку могут отобрать, поэтому нужно всегда иметь козырь в рукаве. Или в моем случае — нож под платьем», — она захватила рюкзак и осторожно стала красться по лестнице.

Был конец августа.

На днях девушка начинала свое обучение в университете, вдали от дома, и потому уже перебралась в братство.

Это был трехуровневый особняк, стильный и выполненный в стиле модернизма с высшей системой безопасности и новыми технологиями.

Теперь Нильде, как и сестры других парней, которые учились здесь, жила с Каем под одной крышей.

«Ага, и с его безумными друзьями».

Лидерами братства Жнецов.

Их было пятеро.

Вильям Тернер. Мрачный социопат, рисующий картины

кровью. Сын Терезы Браун, известной на весь мир певицы, и Рафаэля Тернера — психоаналитика. Сейчас он сидел в тюрьме за попытку убийства и поджог.

Его кузен — Дэниел Стаймest. Алекситимик, напоминающий глыбу льда. Он уже заканчивал магистратуру, а его отцом был Марк Стаймest — владелец архитектурной империи.

Риз Джеймс. «Золотой мальчик», один из лучших студентов Тармонда. Хитрый, ужасно умный, амбициозный. Он был настолько самовлюбленным, что...

«Клянусь, если во время перестрелки Риз увидит лужу крови, то отвлечется на свое отражение в ней и будет поклоняться себе часами напролет», — усмехнулась Нильде, бесшумно спускаясь по черным ступенькам.

Риз с детства был ее любимчиком. И всегда поддерживал любую дрянную идею.

«Больше крови и зрелищности», — единственные пожелания Джеймса во время стычек. Карие глаза зажигались хищным блеском, дыхание учащалось. Маска хорошего мальчика ломалась вдребезги.

С ним всегда было весело...

Николай Романов. Боксер, наследник русской мафии, ее приемный брат. Неконтролируемый, непредсказуемый, похожий на лесной пожар. После которого оставалось лишь пепелище.

Романов мог пугать остальных, но не ее.

Для Нильде он был...

Она тяжело сглотнула.

Ее первым словом.

Первым, кто спас Нильде жизнь — тогда она была совсем крошкой и только научилась ходить, а Николай успел перехватить ее, когда девочка едва не свалилась в бассейн. В тот же день она и стала называть его своим «Ни». Ходила за ним по пятам повсюду.

Человеком, который звал ее котенком и Искоркой. Его голос смягчался с ней, и в обычном резком тембре звучали непривычно нежные нотки каждый раз, стоило Николаю заговорить с Нильде. С ней он никогда не ругался матом, хотя с другими себя не ограничивал. Не курил. Даже играл ей на фортепиано.

Раньше у них всегда были свои ритуалы и маленькие традиции. Они всегда созванивались по вечерам, и он поднимал трубку независимо от обстоятельств и времени. Николай мог заявиться к ней вечером, накупив чего-то вкусного, и Нильде всегда радовалась его приходу.

А теперь...

Он стал тем, кто покинул их.

Тем, кто оставил семью.

Уехал, даже не предупредив.

Ради своих целей. Ради престола. Мести.

«А обо мне ты иногда хотя бы вспоминал? Вспоминаешь?» — она вышла на тропинку, успешно миновав особняк.

В глубине души Нильде знала, почему он так поступил...
Кайден Йохансен. Наследник итальянской мафии. Связующее звено жнецов.

Надежный, серьезный, всегда ответственный.

Гордость семьи Йохансенов.

Ему все давалось легко, без усилий. Брался он за баскетбол — приносил победу любой команде, за которую играл. Занимался учебой — закончил школу экстерном в пятнадцать с высшими отметками. Брал в руки кисть и краски — создавал потрясающие картины. Играл в фильмах и сериалах — получал бесчисленные награды за блестящее исполнение ролей, вкупе с бешеной популярностью.

Он был всегда таким понимающим.

Эмпатом.

Даже будучи ребенком проявлял эту удивительную способность. Психологи разводили руками — говорили, что это редкая разновидность психической акселерации. Кайден с детства рассуждал, как взрослый. Научился читать, когда ему исполнилось три года, и его сознание развивалось в определенных сферах в сотни раз быстрее своего возраста.

Кай понимал, когда Нильде больно, чувствовал ее эмоции, сопереживал и... Она считала его своим близнецом. Настолько сильно они были связаны.

Ее щит, защитник. Громоотвод.

Старший брат, который клеил ей пластыри на разбитые коленки. Тот Кай, который часами с ней разговаривал, когда

Нильде было плохо. Тот Кай, который кормил ее с ложечки, когда она болела. Тот Кай, который учил ее кататься на велосипеде. Тот Кай, который помогал делать домашнее задание и никогда не ругал за ошибки. Тот Кай, который читал ей сказки на ночь и целовал в лоб. Тот человек, на которого она всегда равнялась.

«Мой сильный Кай...»

Уверенные шаги. Гордо поднятая голова. Зеленые, теплые глаза. Ямочки на щеках. Извечная лукавая улыбка.

...Кай, которого она нашла в луже собственной крови.

Кай, который пытался себе перерезать горло.

Кай, который не хотел больше жить.

Колючий ветер жалил лицо и что-то внутри.

Девушка оседлала свой мотоцикл. Красный Харлей.

Надела блестящий шлем и выкрутила ручку газа на полную.

Мчась по ночной дороге, ее мысли закручивались в черную, тошнотворную воронку.

Роскошная жизнь, сумки Hermes, элитные аукционы, путешествия, украшения от Harry Winston.

Все это теряло значение.

Темные секреты, которые она была вынуждена хранить. Разрывающие ее на части. Их груз лежал на Нильде тяжким бременем.

Каково это, когда твой брат погибает медленно на твоих глазах?

Это произошло не за день и не за два.

Все началось гораздо раньше...

4 года назад.

Пятнадцатое октября.

Нильде засиделась в тот день допоздна, смотрела «Американскую историю ужасов» и сама не заметила, как рассвело.

А потом с тихим скрежетом открылась входная дверь.

Ей было тогда четырнадцать.

Кайден вернулся под утро.

Он гостил в родительском доме во время осенних каникул.

Вчера брат отправился на какую-то вечеринку, поэтому Нильде не удивлялась времени его возвращения. Так бывало часто.

Кай постоянно тусовался с друзьями. Еще с подросткового возраста, Нильде уже привыкла.

«Вот стану взрослой, тоже буду так делать», — мысленно успокаивала она себя.

Ее клонило в сон, но любопытство взяло верх. Хотелось узнать, что интересного произошло на этот раз, где был Кай, кого встретил — старший брат всегда обо всем рассказывал.

Вот и на этот раз девочка отправилась на его поиски.

«Наверное, в комнате своей».

Она прокралась в спальню брата и постучала.

Тишина.

— Кай? — неуверенно позвала Нильде.

Все еще молчание.

— Кайден, это я.

Она дернула ручку, и дверь открылась.

«Он не заперся. Странно. Обычно Кай не такой забывчивый. Выпил, что ли?»

В комнате его не было.

Зато слышался звук воды из ванной, которая примыкала к его спальне. У каждого из детей была своя.

Нильде смиренно выждала полчаса, но когда вода продолжала литься, не сдержалась.

«Почему так долго? Кай в среднем принимает душ за десять минут».

Нильде подошла к двери и постучалась.

— Братик, это я.

Странные звуки издавались по ту сторону.

Какой-то скрежет. Сдавленный голос.

«Боже, вдруг с Каем что-то произошло?! Вдруг он упал, сломал руку или же поскользнулся...» — в голове Нильде сразу пронеслись страшные картины.

— Кай, открой!

Странное предчувствие травило ее. Интуиция кричала: он в беде.

Спаси, спаси, спаси меня.

— Уходи, — слышался, наконец, его голос.

Но легче Нильде от этого не стало.

Напротив.

Голос Кая не был похож на него самого. Словно несмазанные петли старой скрипучей двери.

— Ты заболел? Что происходит? — Нильде забарабанила сильнее по двери. — Открой, Кайден!

— Уйди, Ниль, — повторил грубо. — Оставь меня в покое.

«Он никогда так со мной не разговаривал...»

— Кай, пожалуйста...

— Убирайся отсюда, — отрезал парень.

«Нет. Если я покину комнату, с Каем случится что-то страшное...»

— Я никуда не уйду, пока ты не откроешь!

Никакой реакции.

— Я сейчас маму позову, — а вот эта угроза сработала.

Тихий щелчок. Звук шагов.

Минуту спустя дверь ванной открылась.

Нильде едва не рухнула.

Она никогда не видела Кая *таким*.

Зеленые глаза его потухли, словно жизнь покинула их. Он казался убитым. Будто ее брата здесь и не было вовсе. А стоял какой-то близнец с тем же именем и внешностью, но потерявший смысл жизни.

Вода стекала с мокрых волос Кая, пропитывая ворот черной майки.

— Почему ты такая заноза в заднице? — выругался он.

— Что тебе непонятно во фразе «уйди отсюда, нахрен?»

Нильде не позволила колкости ее ранить.

Она бросилась к брату, крепко его обнимая.

— Ты напугал меня, Кай!

Он замер.

— Пожалуйста, не прогоняй, — всхлипнула девочка, не выпуская из объятий, прижавшись щекой к его вздымающейся груди. — Не делай с собой ничего. Умоляю, — едва слышно прошептала.

Кай дышал тяжело, рвано. Но осторожно обнял ее за плечи. Не отталкивая.

— Я не хотел, чтобы ты видела меня таким, — вырвалось.

— Ты пытался... — ком в горле мешал говорить.

— Не знаю. Я... — Кайденом направился в сторону кровати и опустился на ее край.

Вид его, поникшего и страдающего, уничтожал Нильде. Кай никогда прежде не показывал свою боль...

— Что произошло?

— Не хочу говорить, Ни. Не дави на меня. Не хочу, — повторил он бессвязно, глядя в никуда. — Если я скажу, это станет реальным. Я не справлюсь. Это позорно, стыдно и мерзко, — содрогнулся парень всем телом.

Желчь подкатила к горлу. Кай просто... не мог. Признать это. Произнести вслух. Оживить в мыслях.

Взгляд Нильде пытливо скользнул по его телу.

Синяки, глубокие царапины и раны покрывали кожу на

запястьях, шее, ключицах, предплечье...

— Кайден, ты...

«Подрался?» — наивно хотела спросить, но чувствовала — это не после драки.

Ее лучший друг, Арден, часто дрался и Николай — травмы были обычно другие. Не похожие на эти. Когда Нильде их обрабатывала, то всегда подмечала детали.

А сейчас это было, словно... кто-то его связал? Пытал?

Что еще они с ним сделали? Или он? Она?..

Нильде не знала. Мысли путались.

Она боялась ранить Кая вопросами. Он уже ясно дал понять, что не может на них ответить.

Дрожь прошла по телу Кайдена, он с трудом поднял голову, встречая ее затравленный взгляд.

В груди Нильде что-то оборвалось.

Удар. Удар. Удар.

Как птица в стекло.

Потому что он... плакал.

Она протянула руку, бережно стирая слезы с его лица.

— Я всегда буду рядом, — девочка под села ближе и обняла брата.

Кай спрятал лицо в огненных волосах, надсадно дыша.

— Не рассказывай никому, Нильде. Ты слышала меня? Ни маме, ни папе, ни уж тем более Николаю. Никто не должен знать, — серьезно произнес он. — Иначе я тебя не прощу.

— Но почему?.. Они могут тебе пом...

— Обещай, — яростно перебил ее Кай и слегка встряхнул за плечи. — Я доверился тебе, сестренка. Уважай мое решение. Никто не должен узнать. Никогда.

— Ладно, — неохотно согласилась Нильде. — Как я могу тебе помочь?

— Просто храни эту тайну. Это главная помощь мне, — он уткнулся в ее шею, крепко обнимая. — Я очень люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. Больше всех на свете, — она положила голову на плечо Кая. — Раз я дала обещание, то и ты поклянись. Что никогда себе не навредишь. Что не бросишь меня.

— Клянусь, Нильде.

А по его затылку ручейком стекала кровь.

Он ощущал, как она — теплая и горячая, словно растопленное масло, пропитывает ворот майки, стекает по спине, за пояс брюк.

Ударился об стену душевой кабинки. Хотел стереть то, что произошло. Но как бы сильно он ни тер свою кожу, как сильно не пытался смыть с себя все, оно не проходило.

Поэтому Кай захотел разбить себе голову.

Вот так просто.

Все стены ванной, пол и раковина были в кровавых разводах.

«Надо прибраться. Люблю порядок», — назойливая мысль отрезвила его разум, напичканный наркотиками про-

тив его воли.

«Какой порядок? Ты теперь воплощение грязи, ты испачкан, ты никогда не отмоешься», — следом возникла новая.

«Что, если Нильде зайдет в ванную? Если увидит? Это ее убьет. Нельзя. Нужно выпроводить сестру отсюда».

— Ни, иди спать, — постарался произнести как можно мягче, но она не повелась.

Девочка вскинулась, как дикая кошка, придиричиво оглядывая брата. Словно пыталась в голову ему пробраться.

Черт.

От нее было трудно что-то скрыть.

Несмотря на то, что сестра-близнец Кая погибла еще до его рождения, в утробе матери, а Нильде родилась шесть лет спустя — он был готов поклясться, что она чувствует его на особом уровне. Разницы не было.

— Я не уйду, — твердо заявила Нильде. — Буду сегодня спать в твоей кровати.

— Ладно, упрямая, — Кай заставил себя улыбнуться сквозь боль и кивнул в сторону ванной. — Я почищу зубы и вернусь.

Ее недоверчивый взгляд кричал громче слов.

— Ты же знаешь, сестренка, что я всегда сдерживаю свои обещания, как наш папа, — Кай ласково потрепал ее по волосам. — Так что будь хорошей девочкой и жди меня здесь. Скоро вернусь.

«Нужно отмыть все. Убрать следы. И обработать рану. Хо-

рошо, что аптечка тоже в ванной».

Он не хотел, чтобы она видела.

Мотоцикл несся по пустой трассе на бешеной скорости.

Она не обращала внимания ни на то, как развевался подол пышного платья, ни на то, то как мелькали вокруг огни ночного города, ни на то, с какой силой впились в руль руки.

— *Прости, что подвел тебя, сестренка,* — звучали в голове слова Кайдена, как сломанная пластинка.

Он нарушил клятву. Обманул ее.

Это произошло три месяца назад.

Нильде успешно сдала вступительные экзамены в медицинский и ее рапирало от радости — захотелось сразу же поделиться новостями с семьей.

Тармонд — туманный городок, окруженный скалами и дремучими лесами, в котором были расположены два престижных университета. Они величественно занимали всю западную часть Тармонда вместе с многочисленными братствами, примыкающими к ним.

Университет Вэлмур — именно здесь обучались ее братья.

Традиционный, почти религиозно строгий, с сильной иерархией.

Идеально подстриженные газоны, мощеные дорожки, древние деревья, высаженные по периметру огромной территории.

Красный кирпич и белый камень — бессмертная классика в георгианском стиле, с симметричными фасадами, большими арочными окнами и строгими колоннами коринфского ордера. Каменные массивные ступени вели вверх, к цитадели власти. Воздух пахнул старыми книгами и дождем.

Университет готовил юристов, сенаторов, политиков — будущих наследников многомиллионных корпораций. Сюда почти невозможно было поступить простым смертным. Нильде нравилось, что другая половина кампуса была посвящена гуманитарным наукам и искусству.

Кайден учился на юридическом, а Николай изучал бизнес.

Она была наслышана о Вэлмуре с детства. Если братья не делились тайнами их братства и университета, то Ариэль Дэвис всегда нашептывала тайные истории при встрече. Нильде считала ее своей наставницей и главным информатором, они росли вместе, как и Белла Стаймес — сестра Дэниела. Их отцы — Марк, Рэт, Дамиан и Рафаэль дружили много лет.

В обоих университетах существовали братства — тайные организации, в которые входили только избранные.

Самыми влиятельными из них были Жнецы, Мятежники и Якудзы. Последние два относились к клубам КЛ. Оба соперничали между собой и имели мафиозное прошлое, но из общей ненависти к Вэлмуру объединились.

Нильде слегка пригнулась, ее хрупкое тело слилось с мотоциклом.

Каждую осень Жнецы проводили инициацию. Тайный ри-

туал посвящения. Избирали всего двух или трех человек из сотен.

Каждый год — новые испытания. Новые правила.

Сбор урожая душ.

Несмотря на то, что ее старшие братья были лидерами Жнецов, Нильде понятия не имела, какие именно игры во время Отбора они устраивали.

Обычно веселая Ариэль поджимала губы, меняя тему разговора. Никто и никогда не рассказывал, что происходило в Ночь Жатвы. Даже те, кто не прошел — все упорно хранили гробовое молчание.

Вероятно, потому что у Жнецов были компроматы на них, и заведомо каждый подписывал договор о неразглашении.

Риз Джеймс высосал бы их души, осмелся кто переступить им дорогу, Вильям Тернер превратил бы безжизненные тела в свой новый извращенный холст, сумасшедший русский — завел свою бензопилу, устроив игры на выживание, Кайден Йохансен уничтожил бы их морально, манипулируя слабостями и контролируя каждый аспект жизни, Дэниел Стаймес — проник бы в их разум, медленно и мучительно заставляя усомниться в самой сути своего существования.

В пугающих масках они охотились, как звери. Шли на запах крови. И упивались своей властью.

Нильде не заблуждалась. Она знала, что эти люди из себя представляют. Знала, что относительно мягкие они только друг с другом, с ней, Ариэль и Беллой.

Чужаков они пугали до смерти.

«Было за что».

Второй университет — печально известная Красная Лощина.

Кровавая пустота. Анархия. Хаос.

Это было архитектурное великолепие с викторианскими готическими черными шпилями, холодными каменными плитами и бескрайними лабиринтами внутри.

Нильде вырулила на повороте влево.

Там ей предстояло учиться.

Программирование, бизнес, право, медицина, — дисциплины, на которых они базировались.

Братство Мятежников.

Парк аттракционов, неоновый свет, квесты из фильмов ужасов. Люди в масках животных, кукол и нечисти.

Ходили слухи, что они применяли настоящие пытки, чтобы выпустить пар. Жестокие игры, которые мятежники придумывали из года в год...

Это все однажды отняло у нее лучшего друга.

Она потеряла единственного человека, который долгие годы делал ее счастливой. Человека, о котором вспоминала первым, когда хотела поделиться смешной шуткой. Человека, к которому шла, когда было больно или грустно. Единственному, с кем могла не притворяться. Быть собой. Грустной, больной, иногда раздраженной — любой. Рядом с ним не приходилось постоянно улыбаться, чтобы убедить в том,

что она в порядке. Чтобы все, наконец, перестали за нее волноваться. Он принимал Нильде такой, какая она была.

«Ты не остановился... Ты не остановился, когда я тебя просила...»

Опасно.

Нельзя думать о *нем*.

Нельзя вспоминать.

Ему в ее жизни больше не было места.

Берeditь старые раны было слишком больно.

Эта потеря...

Хуже, чем когда ее оперировали.

Хуже, чем когда пропал ее брат Николай.

Хуже всего.

Нильде знала: с его уходом она навсегда потеряла часть себя. Ту наивную, детскую часть, которая верила в добро, свет и хорошие концы, несмотря ни на что.

Потому что он показал: монстры не превращаются в прекрасных принцев, как бы сильно ты их ни любила.

Они только разрушают все вокруг, оставляя после себя кровавые руины. Тянут тебя за собой в бездну.

«Я прервала все это. Выбрала себя. И я не жалею. Отказываюсь, черт побери, чувствовать себя виноватой за выбор другого человека».

Вэлмур и КЛ вели холодную войну десятилетиями. Задолго до того, как в их стенах стало учиться новое поколение.

Постоянные тайные диверсии друг против друга, от под-

делок результатов до похищения архивов компрометирующих документов. Спортивные состязания, где они могли столкнуться лицом к лицу и, наконец, Игры братств. Мотогонки и подпольные бои входили в их часть.

Вэлмур считал Красную лошину рассадником разрушения. Те, в свою очередь, называли их гробницей старого мира.

Студенты редко встречались, за исключением официальных игр, но если кто-то переходил границу между университетами — это считалось грубым нарушением завета. И наказывалось патрульными братств. После полуночи никто не должен был шнырять по территории вражеского кампуса или общежитий.

Нильде выбрала медицину еще ребенком — она вечно лечила раны Николая, когда он возвращался домой после боксерских боев, следила за тем, чтобы папа и мама пили лекарства, держала Кая за руку, когда тот болел, и...

«Арден. Я всегда лечила моего Ардена», — пронеслась следом грустная мысль.

Он вечно дрался — с мальчишками на улице, с теми, кто ее обижал, кто насмехался над ним, дразнил из-за немоты...

Но были те, кого Арден не мог избить.

Те, кто должны были его безусловно любить.

Его приемные родители.

Они делали с ним невообразимые вещи.

Нильде ненавидела их.

Она знала, что Арден давно вырвался на свободу, но те картины до сих пор приходили к ней в кошмарах.

Они выжигали на его коже уродливые символы. Пытались изгнать из него дьявола. Проводили обряды экзорцизма. Считали дитем тьмы. Самой сущностью зла.

«Эти люди были сектантами».

Нильде ничего не могла поделать с теми шрамами, которые оставались на его теле. Но когда следы были свежими, она всегда их перевязывала, обрабатывала антисептиком, чтобы не было заражения, и накладывала заживляющую мазь.

Именно находясь с ним рядом, Нильде отчетливо осознала, что хочет посвятить этому свою жизнь. Ей хотелось помочь как можно многим.

«Забавно, что и папа, и мама делают тоже самое. Только разными способами. Отец пытается защищать, выискивая опасных людей и разрушая их грязный бизнес, спасает детей, мама — продвигает гуманитарные проекты, а я хочу стать врачом».

Была лишь одна небольшая... неприятность.

«Ладно, если честно — большая».

Медицинский факультет был частью КЛ.

А это означало, что...

«Я буду учиться на территории врагов».

Нильде не хотелось быть предвзятой, но все слухи о мятежниках были правдой. Она сама в этом убедилась.

«Радует лишь то, что Мия будет учиться со мной».

Эта девушка появилась в жизни Нильде, как ураган, и перевернула все с ног на голову. Они познакомились после того, как она потеряла Ардена.

Нильде была волонтером, и однажды во время вечерней смены в приюте для животных поднялся шум.

Какая-то девушка яростно спорила с хозяином.

— Я же сказала, что ему нужна помощь!

— Девушка, мы не обслуживаем диких животных.

— Этот песик нуждается в ночлеге, — процедила она сквозь зубы. — Я не могу его бросить! Все ветеринарные клиники уже закрыты и...

— Это гребаный кайот! — возмущенно возразил директор. — Как вы вообще умудрились его запихнуть в машину?!

Она беззаботно пожала плечами, словно это не имело значения.

— Он лежал прямо посреди дороги. У бедняжки сломана задняя лапа, не могла же я бросить его на шоссе! — девушка держала на руках облезлого, грязного и устрашающего зверя, и, к шоку Нильде, он даже не пытался вырваться. Смирно лежал на ее груди, поскуливая. Огромный, изможденный, его лапа висела под неестественным углом, а из бока текла кровь.

Сердце Нильде сжалось.

— Позвольте, — она тронула мистера Смита за плечо. — Может, мы сможем ему выделить тот вольер Нести?

Нести была бездомной овчаркой без одной лапы, о которой Нильде заботилась последние два месяца, сегодня утром ее забрали в хорошую семью.

— Нильде, и ты туда же! — мужчина скрестил руки на груди, но в его глазах промелькнуло сомнение. Он колебался.

«Почти удалось уломать!»

— Пожалуйста, я возьму все расходы и возможные неприятности на себя, — она посмотрела на директора щенячьими глазками, и это сработало.

Он бессильно махнул рукой. Никогда не мог отказать ей.

— Ты отвечаешь за это головой, — бросил Смит напоследок, оставляя их одних.

Незнакомка облегченно выдохнула.

— Спасибо, — она протянула свободную руку Нильде. — Я Мияко. Можешь звать меня Мией.

— Приятно познакомиться, я Нильде, — улыбнулась девушка, пожимая протянутую ухоженную руку.

На мгновение она позволила себе внимательнее разглядеть незнакомку.

Азиатская внешность, прекрасные серые глаза, длинные прямые черные волосы, спадающие на спину блестящим водопадом, полные губы. Она была одета в черный комбинезон от Elisabetta Franchi из лимитированной коллекции.

— Мне нравится твой вкус в одежде, — сделала Нильде ей комплимент.

Девушка просияла.

— Спасибо, а мне нравятся твои ботильоны. Они просто великолепны! — Нильде отвела ее в нужную комнату и подготовила место для раненого койота. — Ты уже оказывала помощь животным? — полюбопытствовала Мия, заглядывая через ее плечо.

— Да, по средам я волонтер в ветеринарной клинике, — просто улыбнулась Нильде. — Я постараюсь ему помочь до прихода врача.

— Как долго нужно ждать?

— Уже связалась с ней, час или около того. Пока введу обезболивающее.

«Мелоксикам подойдет. Вес койота — примерно тринадцать килограмм».

Она помнила дозу, которую следовало ввести.

Мия восхищенно смотрела за тем, как Нильде помогает несчастному койоту, действуя, как профессионал.

Животное заснуло, когда она поставила подкожный укол.

— Прости, парень, — прошептала Нильде. — Потерпи немножко. Скоро станет легче.

Он вздрогнул, но не укусил. Через пару секунд его дыхание стало ровнее. Кровотечение было остановлено, лапа зафиксирована, а зверь притих, видимо, понимая, что ему помогают.

— Ого, ты великолепна, — прямо выдала Мия, наблюдая

за девушкой.

— Пустяки, — скромно отмахнулась Нильде, отходя от стола. — Не волнуйся, с ним все будет в порядке. Я полагаю, на костный остеосинтез послужит оптимальным решением для такой травмы. Нужен рентген и...

— Что за остео...? — моргнула растерянно Мия.

— Это когда фиксируют фрагменты перелома, наложив металлические пластины, — пояснила Нильде и следом виновато улыбнулась. — Прости, иногда я ухожу в медицинскую терминологию, не задумываясь о том, что это может быть непонятно другим.

— Ничего страшного, мне даже стало интересно.

— Спасибо, что подобрала беднягу. Если бы не ты, Мия, кто знает, выжил бы ли он... — она сняла перчатки и тщательно вымыла руки.

— Ничего не могу поделать с собой. Обожаю всех животных, — брюнетка улыбнулась. — У меня дома четверо собак...

С того дня они с Мией обменялись номерами и часто встречались.

Она тоже занималась волонтерством, у них были схожие вкусы в моде, и они очень быстро сдружились.

Мия была замечательной, полной жизни, уверенной, даже свирепой. Но больше всего любила в ней Нильде преданность. То, какой она была самоотверженной по отношению к своей семье и друзьям. Настоящей. Мия была рядом и в

печали, и в радости. Она не смогла заполнить дыру в груди, оставленную Арденом, но заняла прочное место в ее сердце.

Йохансены, в свою очередь, очень настороженно относились к дружбе с Мией Гото.

Отец Нильде в свое время разрушил клан якудз, будучи агентом ФБР под прикрытием, проник в их систему, переворотил все и смог захватить лидера. Ято Гото. Отца Мии и ее старшего брата Исы.

Да. Она была принцессой японской мафии и далеко не наивной девочкой, какой могла показаться. Но Нильде было на все это плевать.

«Мой отец — Босс итальянской мафии. Какая гребаная разница?»

Дамиан был другого мнения. Он ненавидел японцев, повинных в смерти его матери. Не доверял наследникам Гото.

Тем не менее, свою дочь он любил больше. Именно поэтому скрепя сердце позволял ей дружить с Мией. Не вмешивался. Потому что чувства Нильде были важнее его прошлого, старых обид или правил клана.

Она ценила это. Знала, как папе было тяжело принять, но тот факт, что Дамиан ни разу ее не упрекнул, не ругал, а лишь сел и обо всем рассказал...

«Мой папа самый лучший».

Как он был с ней честен, так и Нильде всегда была откровенна с отцом. У них не было тайн друг от друга. Кроме тех, которые касались непосредственно папиных мафиозных дел,

но Нильде старалась никогда не затрагивать их. Она уважала его личное пространство и обязанности. Потому что всецело доверяла. И папа никогда не подводил ее.

Единственное, о чем Нильде не могла рассказать ему и маме...

Это причина, по которой она мчалась сейчас, в полночь, по трассе.

Причина, по которой у нее в рюкзаке лежал заряженный пистолет.

Причина, которая разрывала сердце на мелкие кусочки.

Три месяца назад.

«Кай точно обрадуется за меня! Хочу ему рассказать, что получила высшие баллы за экзамен!»

Но брат не отвечал на сообщения. И не поднял трубку, когда она звонила. По меньшей мере пятьдесят раз.

На душе у Нильде стало беспокойно. Тогда она жила еще с родителями, поэтому поехала в братство, в поисках Кайдена. Но никто из его друзей понятия не имел, где он.

Они рассказали, что Кай куда-то спешил утром, а потом перестал выходить на связь. Дэниел говорил, что волноваться не о чем. Такое происходило с Каем часто.

«Почему я не замечала? Было некогда последний год, занималась подготовкой к экзаменам. Упустила из виду...» — корила девушка себя.

Нильде не показывала, но в ней до сих пор жил огонек

страха после той картины. Дня, когда Кай вышел из ванной, похожий на мертвеца. Она прекрасно заметила окровавленный ворот футболки. Поняла, что он пытался разбить себе голову. Но не стала показывать своего знания — это ранило бы Кая, который старался скрыть момент слабости от сестры. И она притворилась. Притворилась, что ничего не видит. Так было легче. Ему.

Но не ей.

Это все посеяло паранойю в сознании девушки. Травмировало. Привело к тому, что она дергалась каждый раз, когда он запирался в ванной.

Годы после Нильде старалась быть очень чуткой с ним, быть рядом, заботиться — но какая-то часть Кайдена была навечно утрачена. Он потерял беззаботный блеск в зеленых глазах, потерял спокойную улыбку. Потерял что-то, что больше не мог вернуть.

Испорченный. Вот каким Кай себя чувствовал.

Об этом Нильде не знала.

Он стал отстраненным, более закрытым, сдержанным. Больше не шутил в компании, не смеялся громко, не подначивал парней.

«Куда Кай мог пойти, кроме братства?»

Нильде объездила все возможные места.

Его квартиру, братство, всех знакомых...

«Мастерская!» — возникла внезапная мысль.

Красный Бэнтли полетел по новому маршруту.

У Кая был небольшой домик на окраине города, который он переделал под студию.

Туда брат ходил, когда желал проветрить голову, отдохнуть от суеты и побыть наедине с собой. Об этом месте не знал никто, кроме младшей сестры.

— Кай, — чувство deja vu пронзило Нильде, когда она закинула кулачок, чтобы ударить в дверь.

Стук.

Стук.

Стук.

Ничего.

«Может, его и нет здесь? А я напрасно схожу с ума? Может, он где-нибудь в клубе, может, на свидании, может...»

Кай был здесь.

Нильде ощущала его присутствие.

Их связь.

Он был там. За дверью.

— Кайден, это я, открой! — девушка старалась подавить панику, но ничего не вышло.

Страх окутал ее с ног до головы, как ядовитое облако.

И, словно откликаясь на ее боль, дождь забарабанил по пыльной земле. Она, одетая в тонкое платье, промокла за мгновение. Куртка не спасала.

Хмурое небо разверзлось молнией, начался настоящий ливень. Холодная вода обрушилась на Нильде, но она не собиралась сдаваться.

— Впусти меня, Кай! — кричала девушка сквозь шум дождя. — Пожалуйста, открой!

Струи воды беспощадно хлестали по ее лицу. Нильде провела дрожащими руками по мокрым волосам, убирая их назад.

Стало очевидно, что через дверь она не попадет внутрь. Ища глазами выход, девушка наткнулась на окно.

«Придется разбить».

Ветер налетел с новой силой, разгоняя пыль, пугающая серая стена ливня закрывала обзор.

Дерьмо.

Времени на раздумья не было.

Он уходит, уходит, я чувствую, он уходит...

Нильде бросила взгляд на свои тяжелые ботинки. Каблук был почти десять сантиметров, тяжелый, как стальной кол — с силой врезался в стекло. В нижний угол — Нильде предполагала, что там самое уязвимое место.

Не ошиблась. Раздался оглушительный треск. Осколки полетели во все стороны. Второй удар — стекло рассыпалось, открыв ей путь.

Нильде стянула ветровку с плеч, накинула на край рамы, чтобы не порезаться, и скользнула внутрь.

Несмотря на внешний шум, она сразу заметила тихий скрежет внутри мастерской.

Да. Кайдэн определенно был здесь.

Нильде направилась на источник звука.

За поясом у нее неизменно лежал нож, на случай непредвиденной ситуации. Но в этом не было необходимости.

Она застыла на пороге, как вкопанная.

Земля ушла из-под ее ног.

Кайден лежал в луже крови. На холсте. Багровая жидкость пропитала его новую картину насквозь.

Горло...

Он перерезал себе горло.

Как будто пытался вырвать из себя то, что не мог выговорить.

Но не потерял сознание. Лежал там, захлебываясь кровью, хрипя.

Она не помнила, как смогла броситься к нему, преодолевая ужас.

Как смогла вызвать скорую, оказать первую помощь, чтобы Кайден не захлебнулся и не погиб от кровопотери. Все было, как в тумане.

Нильде потерянно смотрела на свои руки, покрытые горячей, липкой кровью. Колени, разбитые, когда она упала на пол. Платье, пропитанное запахом железа.

Он выжил. Врач сказал, что трахея или крупные сосуды не были задеты. Удар был хаотичным, в состоянии шока, несоординированным. Словно Кайден бил вслепую, наугад.

Заблудившись в мыслях, девушка не заметила, как начала дрожать.

— Дыши, Нильде, — голос папы вывел ее из кровавого

лабиринта. — Дыши, вот так, моя умница, — Дамиан обхватил дочь за плечи, слегка встряхнув. — Посмотри на меня, милая. Я с тобой, здесь. Я держу тебя.

— Папа, — она всхлипнула, бессильно уронив голову мужчине на плечо. — Я... мы могли его потерять. Навсегда потерять. Кайден мог умереть...

— Солнышко, — он позволил девушке выплакаться, бережно обхватив Нильде руками, прижав к своей груди. — Ты спасла своего брата. Ты сделала это, малышка. И я очень тобой горжусь, слышишь? Кай поправится. Он у нас сильный. И мы за ним теперь присмотрим. Обещаю.

Дамиан не показывал, как сильно был напуган и шокирован, чтобы не травмировать Нильде сильнее.

Произошедшее потрясло его до глубины, блядь, души.

«Как я не заметил, что Кай не в порядке?» — мучал он себя вопросами.

«Я должен был заметить... Почему он поступил так?»

Эви, наконец, вышла из палаты Кайдена. Ее пустили туда первой, и она провела там последний час.

Дамиан вскинул голову:

— Огонек, как он?

— Будет в порядке, — Эви прижалась к нему, и он уткнулся в ее шею лицом, судорожно выдохнув. — Не смей себя винить, малыш. Это не твоя вина, даже если нам обоим очень страшно. Нужно быть сильными, чтобы помочь нашему мальчику. Если мы сейчас сами расклеимся, то лишь при-

чиним Каю боль. Он и так жутко винит себя, Дами.

Мужчина вытер глаза, которые слезились.

— Он ненавидит себя за то, что причинил нам боль. И меньше всего Кайден хочет, чтобы я или ты себя винили. Это его уничтожит, — она нежно поцеловала мужа в губы. — Ты сделал все, что мог, Дами. Ты был прекрасным отцом. И есть. Ты подарил нашим детям безопасное и счастливое детство. Поддерживал, заботился, но в жизни происходит всякое дерьмо, на которое мы с тобой влиять, к сожалению, не можем. И нам остается только бороться с последствиями. Защищать Кая, помочь ему исцелиться от *чужих* ран.

— Как ты можешь оставаться такой понимающей, Огонек? — он прижался лбом ко лбу жены.

— Я люблю тебя, — она сморгнула слезы. — Кайден так и не назвал причину, но я боюсь на него давить. Нужно дать время, пока он сам найдет в себе силы признаться, — Эви повернулась к дочери и заключила ее в объятия.

— Спасибо тебе, доченька. Ты у нас настоящая героиня. Она не чувствовала себя такой.

Ни на капельку.

Нильде ощущала себя лживой, виноватой, лицемерной. Потому что скрыла от них первую попытку его суицида. «Пора называть вещи своими именами».

Твоя вина. Ты врала им больше трех лет. Не рассказала, как он пытался разбить себе голову. Ты молчала. И вот к чему это все привело. Кай ведь не только твой брат. В

первую очередь он — их сын. И мама с папой имели полное право знать...

Врач пускал их в палату по одному, и Нильде решила пропустить папу и зайти к брату последней. Она кое-как умыла лицо и руки, вытерла бумажными полотенцами испачканную одежду.

«Выгляжу как та самая выжившая в конце фильма ужасов. Жуть какая».

Влажные волосы высохли, но неприятно липли к шее, платье тоже, но следы крови глубоко въелись в ткань.

Нильде убрала раздраженно рыжие пряди от лица, заправив за уши. Руки ее дрожали.

«Не готова его видеть».

Она ощущала себя преданной.

«Ты же обещал. Ты обещал мне...»

Нильде заставила себя выйти из уборной и направиться к палате Кая. Родители на минуту отлучились вниз, приехал и дядя Крис со своей женой, чтобы провести крестника...

Она сделала глубокий вдох и открыла дверь.

Он лежал в постели, накрытый голубым тонким одеялом.

Нильде молча опустилась на край больничной койки. Ее взгляд впился в марлевую повязку, закрепленную бинтом вокруг его шеи. Под всей этой тканью скрывались швы.

Она дотошно допросила врача и знала, что рана была глубокой — потребовалось двухслойное ушивание. Десять гребаных сантиметров вдоль гортани. Он уцелел чудом. Два-

дцать швов.

— Нильде, — хрипло произнес Кайден.

Ее трясло. Почти подкидывало на месте.

— Ты обманул меня. Не сдержал обещание, — слова вырвались наружу, полные горечи, обиды. — Я верила тебе. Не рассказывала им.

— Маленькая, ты все сделала правильно, — Кай протянул руку, сжимая ледяные пальцы сестры своими. На миг в его глазах вспыхнула паника. — Ты ведь ничего не сказала папе и маме сама знаешь о чем?..

— Нет, но надо было! — огрызнулась девушка, вырвав ладонь.

— Ниль, послушай...

— Как ты мог так со мной поступить?! — она не хотела кричать на него, но по-другому не получилось. — Я думала, что значу для тебя что-то.

— Конечно, значишь, — голос Кая надломился. — Я очень тебя люблю.

— Когда любят, не совершают самоубийство, — отрезала Нильде яростно.

— Хочешь верь, хочешь нет, но я не пытался сделать это. Не намеренно. Кое-что произошло и... — Кай выдохнул и снова потянулся к ее руке. На этот раз девушка не стала ее вырывать. — Я потерял контроль над собой. Почти ничего не помню. Только то, что вошел в свою мастерскую, начал рисовать. Мне нужна была красная краска, а оттенок все не

казался достаточно ярким, как мне хотелось. Взял нож... — он тяжело сглотнул. — Я был зол, полон ненависти...

— Ты почти умер, Кай, — прошептала она сухими губами. — Представляешь хотя бы, через что мне пришлось пройти?

— Представляю, — он нежно сжал ее пальцы, поглаживая костяшки, успокаивая. — Однажды и я спасал близкого от попытки суицида. И мне ужасно жаль, что ненамеренно заставил тебя пройти через подобное. Мне известно, как это больно и страшно, — его глаза были полны неприкрытой боли.

— Кровь была повсюду. Ты утопал в ней, — бессвязно вырывалось у Нильде. — Я нашла тебя с перерезанным горлом, Кайден. Ты умирал. Прямо на моих глазах. Это не одно и то же, черт побери. Не одно и то же.

Нильде не могла вырваться из кошмара наяву.

Красный. Мутный. Много красного.

Задыхаясь, девушка схватилась за грудь. Сердце физически болело и билось слишком часто. Проклятая аритмия.

— Ты права. Посмотри на меня.

Она заставила себя поднять глаза на брата.

— Прости, — тихо сказал Кай. — Я прошу тебя меня простить, Нильде.

Слезы хлынули из ее глаз, обжигая щеки.

Нильде зажмурилась, покачав головой.

— Прости, прости, прости, — Кай прижался лбом к ее

лбу, обхватив лицо девушки руками. — Прости меня, солнышко. Пожалуйста, прости, Ни.

Под веками пекло. Он шмыгнул носом.

— Прости, прости, прости меня, — повторяя сотни раз, пока она дрожала всем телом. — Прости, что подвел тебя, сестренка.

Сердце Нильде заныло. Было больно от его слов, словно кто-то всадил ей в сердце нож и переворачивал с хрустом раз за разом. Бил по ране.

— Ты не подвел... — она осторожно обняла его, уткнувшись носом парню в шею. — Не подвел.

— Я не хотел причинять тебе боль, — Кай обхватил ее за плечи, прижимая к себе. Долго гладил по волосам, перебирая яркие пряди.

— Хочу понять тебя, Кай. Помочь... — она подняла голову, умоляюще всматриваясь в родные зеленые глаза. — Прощу, расскажи мне.

Он резко выдохнул.

— В ту ночь меня накачали наркотиками.

Все знали: тогда Кайден переспал с невестой Скорпиона, своего лучшего друга, тем самым положив начало войне и разлому между ними. Но Нильде, которая видела, в каком состоянии вернулся домой ее брат, мало верилось в эту версию.

— И что произошло?

Кайден покачал головой.

— Не помню.

Было ясно — больше он ей ничего не расскажет.

А давить на человека, который пару часов назад пытался себя убить — даже ненамеренно — было не самой удачной идеей.

— Я знаю, что нарушил слово, сестренка, и рано давать новые клятвы, но знай: я буду сражаться. Буду стараться не допустить такого в будущем, — Кайден поцеловал ее в лоб. — Спасибо, что спасла мне жизнь. Я буду ее ценить. Полагаю, мне нужен психотерапевт.

— Люблю тебя больше всех на свете, дурачок, — она шмыгнула носом. — Реву, как глупая девчонка.

— Ты и есть девчонка, — поддразнил Кай.

— Ну не такая же, — надула Нильде губы. — Я умею владеть собой, а не какая-то слабачка.

— Ты буквально вытащила меня из ада. Как моя спасительница может быть слабачкой? — Кайден потрепал ее по волосам, его взгляд потеплел и слегка затуманился. — О нет, это заразно, передается воздушно-капельным путем, — ужаснулся он шутливо, заставляя сестру хихикнуть сквозь слезы.

«Почти доехала...»

Нильде нуждалась в ответах. Ответах, которые могла отыскать лишь она.

Родители всегда были их опорой, но Кай не мог подпу-

стит их к этой травме — не хотел ранить. Он бы и Нильде не подпустил — но так уж получилось, что она стала случайным свидетелем его падения. Краха.

Девушка провела все лето в призрачных поисках, не зная, за что зацепиться. Помощь нагрянула, откуда не ждали. Недавно Мия Гото вернулась из Японии, где провела весь последний год. Ради лучшей подруги она включилась в это дело и сумела кое-что добыть.

Пару дней назад девушка предоставила кусочек, небольшой фрагмент видео. Уцелевший тридцатисекундный обрывок с камер наблюдения.

— Только не спрашивай откуда. Не могу разглашать.

На видео невеста Скорпиона спорила с каким-то парнем. Человек стоял спиной, одетый в черное — не разобрать, кем он был. Даже телосложение невозможно было определить из-за объемного плаща на нем. На последних пяти секундах он протянул ей пакетик. Она забрала. Запись оборвалась.

Да, это было отвратительно. Да, это подтверждало слова Кайдена.

Но не это насторожило Нильде.

Месторасположение. Локация.

Логово мятежников.

Это был кто-то с их стороны. Один из лидеров, просто член братства или случайный забредший? Последний вариант сразу отметался.

«Учитывая, что в братстве около двадцати человек... Бу-

дет непросто узнать».

Но главное, у нее появилась зацепка.

«Нужно получить полную запись. Выяснить, кем он был. Это мой ключ к разгадке».

Мия, с ее шпионскими и хакерскими способностями, вычислила IP-адрес первоисточника. И, разумеется, он находился внутри логова змей.

«Или мятежников, разницы нет».

Хранилище располагалось в специальном камерном пункте. На самом верхнем этаже особняка.

Сегодня задача перед Нильде была одна — пробраться туда. Залезть в архив. Отыскать нужное видео.

Непомерно сложно, учитывая, что у них везде стояли сложные коды.

«Слава Богу, у меня есть Мия. Она поможет мне взломать их дурацкую систему».

— *Не волнуйся, подруга, ты просто доберись туда. Я позабочусь обо всем остальном.*

«Как мне повезло с ней...»

Они с Мией раздобыли план внутреннего обустройства особняка, и Нильде запомнила примерное расположение комнат.

Мотоцикл свернул в темную аллею. Нильде заглушила мотор. Сняла шлем, оглядываясь по сторонам.

Пока никого.

Здесь они с Мией собирались встретиться перед вылаз-

кой.

Остаток пути Нильде должна была пройти пешком, а Мия — спрятаться где-то неподалеку от братства, чтобы в случае чего прикрыть ей спину.

Взгляд Нильде зацепился за длинные черные шпильки башен, величественно уходящие в небо, далеко впереди.

О Мятежниках девушка знала еще меньше, чем о Жнецах.

Вся информация была покрыта мраком. Но тех отрывков, с которыми она столкнулась в детстве, было достаточно, чтобы оставить след отвращения и панического страха в душе Нильде.

С тех пор многое изменилось. Спустя годы они стали только более опасными, беспощадными. И скрытными. Чертовски скрытными.

Глупцам нравилось слепо следовать за ними. Поклоняться, как своим идолам. Нильде встречала много людей, которые продали бы душу, только бы попасть в их братство.

Потому что они...

Были действительно теми, кто мог управлять людьми.

И обладали могуществом.

Не просто какие-то богатые подростки.

«Начнем с того, что многие из них уже получают научную степень или заканчивают магистратуру, насколько мне известно».

У Мятежников было четыре лидера-основателя.

Туман Стерлинг — Создатель, таинственный владелец парка аттракционов. О нем почти ничего не было известно. Ни внешность, ни даже имя — что было сплошным безумием, ведь, очевидно, этот парень учился в КЛ. Из-за того, что он с детства скрывал свою внешность, никто не смог бы его идентифицировать при встрече. Туман мог спокойно ходить с ними на занятия, как обычный студент. Или даже преподаватель.

«Кто знает, закончил ли этот парень КЛ экстерном. Я не удивлюсь. Кажется, он самый старший среди мятежников».

Туман очень мало разговаривал. И легко менял тембр голоса, если приходилось все-таки ввязаться в диалог.

Единственное, что было известно — Туман был старшим сыном мультимиллиардера-бизнесмена Говарда Стерлинга и по совместительству главы американской мафии. Ни на каких мероприятиях он не появлялся, не выходил в люди.

«Кажется, у них архитектурный бизнес. Мне что-то об этом говорила Ари. Именно поэтому дядя Марк их терпеть не может, как и Белла».

Нильде всегда старалась подмечать детали и запоминать. Кто знал, когда и как это могло ей в жизни пригодиться.

Вторым был Хейден Блэквуд. Обманчиво милый, вежливый, аристократ до мозга костей, происходил из древней королевской семьи. О нем Нильде тоже почти ничего не знала.

Может, потому, что когда братство мятежников только-только начало зарождаться, Арден всегда старался ее дер-

жать подальше от них. Никогда не подпускал к своим друзьям. И запрещал парням тоже подходить к Нильде. Он охранял ее ото всех.

Когда-то она была за это очень благодарна, а теперь...

«Чьи секреты ты старался сохранить, Арден? Ты спасал меня или напротив держал в стороне, чтобы у меня не появилось преимуществ против вас?»

Скорпион Хеймонд. Бывший лучший друг Кайдена, а теперь заклятый враг. Раньше Скорпи — как всегда называла его Нильде, часто бывал у них дома. Он был старше Нильде на шесть лет и относился к ней, как к своей младшей сестре. После того, как он прервал все связи с Каем, Скорпион отдалился от Йохансенов, но тем не менее неизменно присылал Нильде подарки на Дни Рождения, при редкой встрече обнимал и звал Лучиком, и она не могла себя заставить возненавидеть его. В глазах Нильде Скорпи все еще был тем добрым мальчиком из детства. Даже если обстоятельства заставили их быть по разные стороны баррикад. Отец Скорпиона, успешный нефтяной магнат Кристиан Хеймонд, был их с Кайденом крестным, а мама Нильде — крестной Скорпиона. Они сохранили свою дружбу, которой было больше двадцати лет, и не вмешивались в разборки детей.

«На самом деле иногда я вижу дядю Криса чаще, чем папу», — усмехнулась Нильде. Она обожала его.

И последний лидер братства. Тот, чьи безумные идеи воплощал в играх Туман. Тот, кто всегда предлагал самые же-

стокие и бесчеловечные испытания. Тот, чье имя вызывало дрожь и благоговейный страх.

Сын бывшего мэра Лос-Анджелеса и нового Джека Потрошителя. Число жертв серийного убийцы колебалось от ста восьмидесяти до трехсот.

Немой психопат.

Безмолвный дьявол.

Арден Грейсон.

Или Брут, как его все называли.

После разрыва их дружбы Нильде попросила всех своих друзей и знакомых ничего не говорить об Ардене, и ей успешно удавалось оставаться в неведении. Она не знала, где он живет, на какой факультет поступил, как у него сложилась жизнь. Ни-че-го.

Только Мияко однажды случайно обмолвилась, что Брут все еще один из лидеров, и потом долго извинялась за то, что напомнила о запретной теме. Это было упомянуто в контексте соглашения Исы Гото, лидера якудз, с Мятежниками. Видимо, чтобы уничтожить Жнецов. Они объединились против общего врага.

Позиция Мии была схожа с точкой зрения Нильде. Они дружили исключительно друг с другом. Нильде терпеть не могла Ису, а Мия воротила нос от Жнецов, считая общение с ними предательством своего брата. Она особенно настороженно и враждебно относилась к Кайдену. Поэтому они с Нильде всегда встречались на нейтральной территории —

парках, кафе, клубах, курортах. Где угодно, только подальше от братств и их агрессивно настроенных родственников.

«А вот и она...»

В сером худи и таких же брюках, с темными волосами, собранными в кучу хаотичных косичек, и кроссовками на большой платформе, она выглядела одновременно небрежной и стильной. Девушка сняла свой черный шлем и широко улыбнулась.

Мгновение, и Нильде бросилась ее обнимать.

— Я уже говорила, что безумно рада твоему возвращению в Штаты? — мягко улыбнулась она. — Моя спасительница!

— Говорила, но можешь повторить, — Мия ухмыльнулась. — Ты же знаешь, как я люблю, когда меня хвалят.

Нильде рассмеялась.

— Если честно, я немного волнуюсь.

— Я бы предложила выпить, но боюсь, что ты под воздействием алкоголя выкинешь то же, что в прошлый раз в клубе! — Мия шутливо перекрестилась. — Не будем рисковать.

— Эй, я просто немного потанцевала на барной стойке, что в этом такого, — шутливо насупилась Нильде. — И самое досадное — не помню ни черта!

— Вот поэтому за тобой нужен глаз да глаз, — пожурила ее подруга и вложила в ладонь Нильде черную металлическую карту со знаком джокера.

— Что это такое?

— Твое спасение на случай, если поймают. Приглашение,

нет времени объяснять. Тебе нужно спешить, пока особняк пустует.

— А где они? — насторожилась Нильде.

Все было слишком просто. Даже подозрительно.

— Понятия не имею, я лишь увидела, как святая четверка покинула свой гадюшник, — Мия поморщилась. Несмотря на временное перемирие между ее братом и мятежниками, последних она презирала. — Остальные не так опасны. Ты с ними справишься.

— Конечно, детка, — Нильде заговорщически подмигнула. — Пожелай мне удачи.

— Это им удачи, — Мия приподняла бровь. — Хотя, она их не спасет от тебя. Вперед, малышка. Я буду на связи, — она сунула в ухо маленький наушник. Такой же был у Нильде.

«Я добьюсь для тебя справедливости, Кай».

Глубокий вдох.

Не оборачиваясь, Нильде поспешила к мрачному особняку.

Он был полностью черного цвета, с четырьмя каменными башнями, являясь идеальным отражением КЛ. Средоточием зла.

Под ботинками шуршал гравий. Густой воздух наполнился тревожным ожиданием.

У входа стоял громила, одетый в классический костюм.

«Повезло, что на смене один человек. Видимо, вся охрана

сегодня рассредоточена на другой их базе. В парке аттракционов?» — место примыкало к братству с другого крыла. Территория была просто необъятной.

Нильде выдавила из себя вежливую улыбку.

Мужчина окинул ее ледяным взглядом.

— Ваш пропуск.

Она протянула карту и позволила своим пальцам соприкоснуться с ним. Небольшой укол. Кольцо с микрокапсулой. Нейропаралитический яд — девушка рассчитала дозу. Он не умрет, но пролежит тут в отключке достаточно — за это время она закончит свое дело.

Мужчина осел на землю.

Нильде изящно перешагнула через грузное тело.

«Спасибо маме за приемчики», — она сняла кольцо и сунула в рюкзак, со своей задачей оно справилось блестяще.

Нильде толкнула тяжелую дверь, и та поддалась, впуская в свою обитель.

Первое, что девушка поняла, оказавшись внутри — схема особняка, которую они с Мией изучали, совершенно не соответствовала реальности.

«Ну, конечно, иначе все было бы слишком просто», — саркастично закатила она глаза, оглядываясь по сторонам.

Темные стены с гобеленами, высокие потолки, как в храме, мраморные полы, остроконечные арки окон. Люстры из черного хрусталя освещали огромное помещение красным светом.

Казалось, она попала в заброшенный музей, а не место, где обитали живые души.

В отличие от особняка Жнецов, пристанище их врагов было пугающе отстраненным. Это место напоминало старинное фамильное поместье, переделанное под их вкусы.

Жуткое.

«Обычно именно в такие места переезжали новые семьи в фильмах ужасов, а потом их убивали обитающие на чердаке призраки».

— Мия, ты меня слышишь? — прошептала Нильде в наушник.

Никакого ответа.

— Алло?

Она проверила мобильный — сеть в помещении не ловила.

«Здесь что, стоят глушилки?..»

Все пошло не по плану.

Нильде сунула телефон в рюкзак. Он был пока бесполезен.

«Нельзя терять ни секунды. Другого шанса у меня может не быть. Придется брести вслепую...»

Даже если она не могла в одиночку взломать систему и получить записи, Нильде собиралась изучить особняк, запомнить расположение комнат и найти хранилище для второй вылазки, которую она непременно позже совершит.

Было тихо, как на кладбище.

«Интересно, где все? Куда они отправились посреди ночи?» — Нильде добралась до высокой винтовой лестницы, ведущей наверх.

Как бы ей ни было интересно изучить гостиную и комнаты на первых — на счету была каждая секунда. Кто знал, когда мятежникам взбредет в голову вернуться обратно.

Поднявшись на второй этаж, Нильде оказалась в длинном коридоре.

«Боже, да этот особняк внутри еще больше, чем казался снаружи. Главное, не забыть, где выход...»

Она заходила в каждую дверь, надеясь наткнуться на что-то, хотя бы отдаленно напоминающее пункт наблюдения, но тщетно.

Спальня, спальня, еще одна спальня...

Шкафы, столы, кровати, диваны, высокие окна. Однообразно. Не похоже, что тут кто-то вообще жил. Может, это были гостевые комнаты? Времени на то, чтобы внимательно разглядывать богатый интерьер у Нильде не было. К тому же, она не рисковала включать свет, довольствуясь полумраком. Различая лишь силуэты мебели.

«Снаружи могут заметить, что включилось освещение. Нужно быть очень осторожной», — предусмотрительно заключила Нильде.

Она была достаточно умной, чтобы не допустить таких промахов.

Вскоре стало очевидно, что на втором этаже ничего инте-

ресного ей не найти.

«Пора наверх».

Поднявшись на третий, Нильде застыла на месте.

Это была анфилада бесконечных залов — ряд последовательно примыкающих друг к другу комнат, размещенных вокруг овального холла. Помещения соединялись дверными проемами. Иллюзия бесконечного пространства.

В торце анфилады, во всю стену, висело старинное зеркало.

Голова Нильде закружилась. Она включила фонарик на самый слабый режим.

«Черт ногу сломит!»

Направилась вперед, освещая дорогу, как...

Тишии...

Внезапная паника сдавила грудь.

Жуткая тишина вдруг стала осязаемой.

Будто кто-то пристально за ней наблюдал.

Выжидал, когда напасть.

Охотился.

Тишии...

— Мия? — тихо спросила Нильде, коснувшись наушника в ухе.

Казалось, звук исходит оттуда.

Иначе кто...

Вопль застыл в горле, когда Нильде заметила *его*. Фонарик выпал из рук, скатившись на пол.

Отражение в зеркале.

Прямо за ее спиной.

Он не разговаривал. Не касался ее. Стоял неподвижно, словно каменное изваяние.

Колени Нильде подогнулись.

Горячее дыхание коснулось ее шеи, заставляя кожу покрыться мурашками. Опаляя.

Он подошел еще ближе.

Мысли путались, от страха свело мышцы. Нильде не могла себя заставить двинуться.

А ее взгляд был прикован к темному силуэту. В мучительном ужасе ожидая, что незнакомец предпримет.

Высокий.

На голову выше, и это при том, что ее ботинки были на огромной платформе.

Проклятая темнота. Нильде не видела его лица. Каждая секунда казалась вечностью. Время остановилось, как ядовитый капкан.

До тех пор, пока рука в темной перчатке не схватила ее за горло.

И не отшвырнула к лестничному проему. Прямо к краю.

Нильде вскрикнула, судорожно пытаясь за что-то ухватиться.

«Если я упаду с такой высоты, то сломаю спину!»

Пальцы впились в чужое тело. Сердце заколотилось, словно обезумевшее.

Он намеренно шагнул вперед, угрожая столкнуться с лестницы.

Но Нильде намертво вцепилась в психа.

«Хочешь меня столкнуть? Добро пожаловать, полетим вниз вместе, урод».

И тут приглушенный свет окутал их. Щелкнул переключатель. И она, наконец, смогла увидеть его в полумраке.

Монстр, в которого она вцепилась, был определенно очень широким в плечах, крупным, как настоящий хищник.

Глаза Нильде расширились.

Его маска.

Осколок ночного кошмара, вырванный из чьей-то изломанной памяти. Гротескная поверхность цвета слоновой кости. По ней ползли кровавые потеки — запоздалые слезы тех, кто слишком поздно молил о спасении.

Но самое уродливое в этом всем было другое.

Защитый рот.

Металлические скобы пронизывали его стежок за стежком.

Капли крови стекали по мужской шее, когда незнакомец приподнял голову, словно желая пробраться в ее душу.

«Чья?...» — билась в висках тревожная мысль.

Она увидела темные, непроницаемые, как ночная мгла, глаза сквозь прорези маски, когда он посмотрел на нее сверху вниз.

Пульс Нильде участился.

Это был мертвый взгляд. Взгляд не человека. Животного, которым он себя сделал. Чудовища.

Взгляд, который она уже однажды видела.

Брута.

Она узнала. Не могла не узнать.

Нильде ахнула, когда парень схватил ее за плечо и толкнул к стене. Стиснула зубы, отказываясь демонстрировать слабость. Потому что он лишь вонзил бы свои клыки ей в шею, добивая на месте.

— *Что я сказал тебе во время нашей последней встречи?*
— показал Арден.

Конечно, она знала ASL. Выучила его в детстве, чтобы разговаривать с ним. Понимать. Быть ближе.

Осознание, что перед ней стоит Арден, нахлынуло резко, как цунами.

Черная толстовка, натянутый на голову капюшон. Кожаная куртка поверх, темные джинсы и берцы.

От него веяло аурой плохого парня.

Это была их первая встреча спустя долгое время.

Нильде тяжело сглотнула.

«Нет. Не Арден. Это Брут», — исправилась она. «Ардена больше нет. Он умер», — пришлось себе напомнить.

— *Я задал тебе вопрос.*

В груди пекло, словно туда напихали горящих углей.

— *Никогда не попадайся мне на глаза,* — слова жгли горло.

Она ненавидела их. Ненавидела вспоминать.

Но больше — ненавидела безумца перед собой, который заставил ее пройти через это заново.

— *А что сделала ты?*

— Послушай, я просто... — язык не слушался ее. В горле пересохло.

— *Просто что? Просто шла и забрела в особняк врагов, бродячая кошка?* — снисходительно показал он.

— Нет, я просто заблудилась, — глупо ляпнула Нильде.

— *А, значит ты заблуди-и-лась,* — медленно повторил Брут за ней на жестовом языке, словно передразнивая. — *Не хочешь ли ты сказать мне, что направлялась на инициацию?*

«Проклятье, так вот куда они все шли... Значит прямо сейчас проводится отбор?»

Она знала, что мероприятие проводится раз в год, перед началом учебного года, но не думала, что именно сегодня.

— *Ты пришла на посвящение, не так ли?* — настойчиво показал он. — *Иначе зачем подниматься на третий этаж братства, куколка?*

Брут издевался, не веря ни одному ее лживому слову.

Нильде ничего не оставалось, кроме как кивнуть в надежде, что он отвяжется.

— Да, я пришла на инициацию

— *Раз так, другое дело. Не смею задерживать,* — парень отошел в сторону, высвобождая путь.

Она растерянно моргнула. Неужели всё?..

— *Вперед. Я тебя провожу*, — обманчивое спокойствие.

«Ага, отвяжется, как же».

Это была хитро расставленная ловушка. И она прямо сейчас в нее угодила.

Капкан закрылся.

Брут подтолкнул ее к выходу.

— *Не думала ли ты, что брошу тебя на полпути?* — показал он. — *Я прослежу за тем, чтобы ты оказалась в Чистилище. И даже запру за тобой все двери.*

— Чистилище?.. О чем ты...

— *Не удосужилась ознакомиться со сводом правил? Хотя так только веселее*, — Брут схватил ее за руку и потащил по лестнице. Холодная кожа перчатки спасала от прямого контакта.

И прямо сейчас Нильде была рада, что не касается его ладони и не видит лица. Так было проще отделить холодного психопата от мальчика, который когда-то был частью ее раненной души.

Тот, кто тащил Нильде сейчас за собой по темному внутреннему двору братства...

Полное отсутствие эмпатии к окружающим. Неспособность к раскаянию. Манипулятивное поведение. Эмоциональная замкнутость. Невозможность испытывать привязанность к кому-либо.

Нильде слышала сотни раз эти фразы в его адрес. Антисо-

циальное расстройство личности — один из диагнозов, которым Ардена наградили еще в раннем детстве. Но она наивно верила, что в его системе могут существовать исключения.

Спойлер: не могут.

Нильде в этом наглядно убедилась еще тогда...

Из мыслей ее вырвали голоса.

Они стояли перед входом в знаменитый парк аттракционов, где должна была состояться инициация — и их обступили парни в масках. Все были в одинаковых красных черепахах, кроме одного — на нем была полностью черная гладкая маска с прорезями для глаз.

— Так, так, так, смотрите, кого к нам привел Грейсон, — хриплый голос заставил девушку подскочить. — Представься.

Брут выпустил ее руку, а Нильде вдруг стало не по себе. Тело помнило, как раньше его присутствие означало опасность. Теплоту.

«Очнись. Самое главное зло — он сам. Другие лишь припешники».

Уменьшало ли это жестокое осознание боль в груди? Ни на йоту. Глупый орган сжимался от нехватки воздуха. Рана, оставленная его потерей, кровоточила. До сих пор.

— Нильде.

Девушка нервно потерла лямки рюкзака, пока тот, кто к ней обратился, ходил по кругу.

— Почему я не помню твое имя в списке?

В горле пересохло. Если она надеялась, что Брут может прийти на помощь... Надежда рассыпалась сразу в прах.

Потому что он равнодушно показал:

— *Давай, скажи ему. Почему твоего имени нет?*

— Ты вообще из нашего университета? — продолжил допытываться незнакомец.

— Да, я поступила в КЛ. Первый курс, — это было чистой правдой.

— На инициацию нельзя попасть без приглашения.

— А кто сказал, что у меня его нет? — она приподняла бровь, с готовностью вступая в игру.

Мгновение, и Нильде протянула ему металлическую карту.

Парень забрал ее, внимательно разглядывая. Убеждаясь в подлинности.

— Разве это не младшая сестра Йохансена? — спросил кто-то из красных черепов.

— Все занимательнее и занимательнее, — черная маска подобрался ближе к ней.

Нильде инстинктивно отступила. От этого человека исходила неприятная, скользкая энергия.

Она не заметила, как вжалась спиной в железные прутья решетчатого забора, разделяющего их и парк.

Ей хотелось быть как можно дальше от него. От страха запотели ладошки.

— Не так быстро, — он навалился на нее всем телом,

заставляя прошипеть. Потому что металлические стержни впились в обнаженную часть спины, царапая.

— Мне хочется насадить тебя на пики этого забора. Представь, какая прекрасная картина выйдет. Живое пугало. Или как это лучше назвать?..

Черная маска наклонился, почти касаясь ее лица.

— Я хочу с тобой поиграть. Очень.

Парень уже протянул руку, чтобы дотронуться до ее шеи...

Кто-то оттащил его. Швырнул с такой силой, что он больно врезался затылком в один из столбов, вбитых у ворот.

— *Отъебись от нее, Хейд*, — показал Брут. — *Иначе я разломлю тебе череп.*

— Как скучно, — черная маска издал страдальческий вздох, но послушно отодвинулся. Никаких возражений. Никаких споров.

Нильде перевела дыхание.

«Так значит это был Хейден Блэквуд. И он определенно слушается Брута».

— О, ты сам хочешь с ней поиграть, да? Справедливо, ведь именно ты привел ее сюда.

Брут даже не удостоил его ответом. Молчал, сунув руки в карманы своей кожанки.

— Вся команда в сборе, какая прелесть, — Хейд махнул кому-то за спиной друга.

Девушка насторожилась.

Маска сгнившего черепа животного с большими рогами.

Смуглая кожа. Он был в одних темных джинсах. Не удосужился надеть верх, демонстрируя идеальные мышцы живота, груди и накаченные руки в татуировках. По скорпиону, набитому на его пальцах полукругом, Нильде сразу узнала одного из лидеров мятежников.

Скорпион.

Облегчение затопило ее.

— Ради всего святого, что ты здесь забыла, Лучик?! — строго отчитал он девушку.

Нильде неловко улыбнулась.

— Я пришла на инициацию.

— Свихнулась? Совсем из ума выжила или что? — Скорп обхватил ее плечи руками, но мгновение спустя его тоже грубо отпихнули.

Парень едва не влетел плечом в забор.

Темные глаза Брута предупреждающе прожигали друга.

— Не трогаю, не сходи с ума, — пробормотал Скорпион, подняв руки верх ладонями в знак мира. Пытаясь успокоить.

«Мое», — он точно также в детстве взбешенно толкал его, если видел вблизи от Нильде.

Как и других.

Любого, кто посмел тронуть куколку. Обидеть ее.

...Дружить с ней. Говорить. Обнимать. Любить. Всех, кому она улыбалась. Всех, кто мог бы занять его место. Всех, кто мог бы отнять ее у него...

Громкий звук заставил их вскинуть голову.

Нильде содрогнулась.

Эта пугающая музыка...

Сирена из Судной ночи.

Ее пробрало до ледяных мурашек.

Инстинкты кричали бежать отсюда. Как можно дальше.
Как можно быстрее.

— Пора начинать нашу игру.

Забор со скрипом отворился.

Она видела очертания аттракционов, колеса обозрения, бесконечных каруселей...

Нильде повели к группе людей. Они все были в безличных круглых белых масках с отверстиями для глаз. Сорок человек. Парни, девушки разных возрастов. Студенты КЛ, разумеется. У каждого на шее была бирка с римской цифрой. Они оживленно общались между собой, не обращая внимания на сирену.

Нильде заметила, что этот звук ада напротив возбудил их интерес.

«Сумасшедшие. Боже, Мия, наверное, места себе не находит...»

Наушник успешно выпал из ее уха еще по дороге к парку.

Телефон лежал в рюкзаке, который у нее, к удивлению, пока не отняли.

— Все получили маску? — красные черепа начали обходить толпу и один из них заметил Нильде.

«Блин, я хотела улизнуть незаметно...»

Лидеры мятежников стояли поодаль, общаясь между собой. Красный повел ее обратно к ним.

Толпа проводила спину девушки завистливыми взглядами.

«Я бы на вашем месте радовалась, что избежала очередной встречи с этими монстрами!»

Парень, который ее привел — один из членов мятежников — Нильде предполагала, что все красные были действующими участниками, прошептал что-то лидерам.

— Дай ей такую же, как у всех. Разве у нас нет запасных? — сказал Скорпион.

— Есть, конечно. Просто девушку привел Грейсон, и...

Брут стоял спиной к Нильде, поэтому она не видела, что он показал в ответ. Но зато услышала полный ярости голос Хеймонда.

— Это безумие! Ты обрекаешь ее на...

Спор, впрочем, длился недолго.

Хейден отправил одного из членов братства за нужной вещью.

Нильде переступала с ноги на ногу, ежась. Холодный ветер окутал обнаженную кожу ног.

«Кто же знал, что придется проходить через такое! Думала, быстренько заберусь в особняк, а не стану шнырять по заброшенным паркам посреди ночи...»

Вскоре маска была доставлена.

Улыбка, прошитая светом, натянутая по лицу как шрам.

Шов из света пульсировал кислотно-бирюзовым свечением. Маска продолжалась выше в странный венец в форме короны Статуи Свободы, а ее острия походили на орудия средневековых пыток.

— Брут, нет. Не эту маску, — попытался его вразумить Скорпион. — Ты же знаешь, *что* делают с теми, кто ее носит. Не надо.

— *Как жаль, что не тебе, блядь, решать. Надевай,* — обратился он к Нильде.

Девушка впилась зубами в нижнюю губу. Желудок скрутило.

Что означала эта маска? Она была особенной?..

— Ах, даже так, — раздался приглушенный голос Хейда. — Я рад, что ты припас всю жестокость. В моменте мне показалось, что ты смягчился. Каюсь, — в тоне Блэкуда сквозило извращенное восхищение.

— Брут и смягчиться? Он спасет тебя от эшафота, только чтобы самому снести тебе голову тупым ножом с сотой попытки, — содрогнулся один из красных черепов.

— Кто-нибудь мне может объяснить, что вообще происходит?!

Нильде не видела лица Скорпиона, но его плечи опустились.

— Мне очень жаль.

На нее надели маску и проводили к остальным.

Неопределенность и неизвестность того, что произойдет,

едва не довели ее до панической атаки.

Нильде часто переживала подобные эпизоды, поэтому знала, когда они приближаются.

Воздух стал слишком густым. В ушах зашумело.

«Нужно срочно назвать три вещи, ассоциирующиеся у меня с голубым».

Ее психолог всегда советовал делать это во время начала панических атак. Помогало сконцентрировать внимание на чем-то внешнем.

Голубой. Голубой. Голубой.

Небо.

Океан.

Мамины глаза.

«Я существую. Я живу. Я дышу», — воздух вырывался с уст Нильде короткими, хриплыми выдохами. Она не могла потеряться в омуте своих кошмаров прямо здесь. Не могла сломаться при них.

Ей хотелось сорвать дрянь с лица, но она решила потерпеть. Не при всех.

Девушка повернула голову к стоящей к ней незнакомке в белой маске, чтобы задать вопрос, но та отшатнулась, словно от чумы.

«Да почему они так смотрят?!»

— Внимание, — похлопал в ладони Хейден, встав в центре парка, прямо перед толпой.

Воодушевленный шепот разнесся среди участников. Они

стихли, перестав толкаться и глядя на своего идола.

Култ вокруг лидеров был почти священным.

— Мы рады приветствовать вас на инициации. Больше трехсот заявок были отклонены из-за скудных практических навыков, проваленной анкеты или неверно выполненных тестовых заданий.

«Тестовые задания? Кошмар, у них тут многоуровневая система отбора. Похлеще, чем при поступлении... И как только Мие удалось добыть эту карточку? Она волшебница».

— Поэтому каждый, стоящий перед нами, уже потенциальный победитель. Вы обошли всех и получили уникальную возможность членства в нашем элитном обществе, — Хейден щелкнул пальцами. — Примите наши поздравления.

— Правила этой ночи следующие: вам нужно зайти в дом страха и преодолеть ряд... препятствий внутри. Лабиринты, ловушки — попутно вам придется отбиваться от нас. Потому что мы будем преследовать. Каждого, — Скорпион обвел пальцем толпу. — В этом вся суть погони. Найдете выход и сумеете выбраться до рассвета — добро пожаловать в мятежники.

— Звучит просто, мы верим в вас, — Хейд не скрывал насмешку в своем голосе.

— Вы также наверняка заметили, что среди нас нет Создателя, — продолжил размеренно Скорпион. — Но не волнуйтесь: он следит.

Его имя боялись произносить напрасно.

«Волан-Де-Морт», — фыркнула мысленно Нильде.

— И с удовольствием поглотит новые души, — зловец закончил за друга Блэквуд. — Прежде, чем вы войдете внутрь, каждый должен подписать отказ от ответственности за свою жизнь и сдать свои сотовые телефоны. Другие вещи мы допускаем, включая оружие. Берите их с собой. Слишком скучно уб... избивать безоружных, — Нильде не сводила глаз с черной маски. Его движения были отрывистыми, словно парню уже не терпелось на кого-нибудь напасть.

Нильде впиалась ногтями в кожу ладоней, чтобы отрезвиться. Не потерять связь с реальностью. Не уйти в мир своих фобий.

Потому что происходящее напоминало ей фильм ужасов.

— Что значит моя маска? — девушка подняла руку, привлекая внимание всех.

Брут, который до сих пор оставался неподвижным, вышел вперед.

— Боже, это же Брут, — прошептала восторженно девушка рядом с Нильде под восьмым номером. — Немой лидер.

— Какой же он горячий, — согласилась с ней другая.

— Интересно, стонет ли он, когда трахается?

— Из всех я бы предпочла именно его...

Нильде подавила вспышку раздражения.

— *На тебя будем охотиться не только мы. Но и все участники. Каждый, кто дышит.*

— Удачных вам смертельных игр, — помахал толпе Хейд,

доставая кувалду.

Скорпион вооружился битой, а Брут предпочел молоток.
«Смертельных?...»

Тошнота подкатила к ее горлу.

Пути назад не было. Оставалось лишь, стиснув зубы, подписать отказ от ответственности, сдать телефон и направиться к аттракциону страха вслед за всеми.

Их по одному запустили в дом.

Щелкнули замки.

Вопреки ожиданиям, внутри это был...

Зеркальный лабиринт. Совсем как во второй части Оно. Они полностью воссоздали его — не хватало лишь Пеннивайза за стеклом.

Темнота разгонялась слабой подсветкой, установленной в высоких потолках по углам.

Участники сразу разбрелись, кто куда.

Музыка, играющая по стереосистеме, действовала на нервы.

Eckstein, Eckstein — alles muss versteckt sein!

Eckstein, Eckstein alles muss versteckt sein!

Wieder lieg ich auf der Lauer,

Denn wir spielen unser Spiel!

Тяжелые басы заглушали звуки шагов, это помогало мятежникам подбираться к ним незаметно.

Нильде не двинулась с места, решив понаблюдать. Она лишь встала у угла и сняла с себя осточертевшую маску. В

ней невозможно было нормально дышать, поэтому девушка бросила мерзкую вещь на пол. Плевать на правила. Она не собиралась становиться одной из них. Или быть ходячей мишенью.

«Понятия не имею, где здесь выход, но глупо сразу же бросаться вслепую».

И тут послышался вопль.

Даже через музыку, полный страдания звук разнесся по всему дому.

1...2...3...4...5, 6, 7, 8, 9, 10!

1...2...3...4...5, 6, 7, 8, 9, 10!

Augen auf ich komme,

Augen auf ich komme,

Augen auf — Ich komme!

Zeig dich nicht!

Нильде видела, как Хейден занес кувалду над телом парня, целясь в колени. Кровь забрызгала зеркала.

— Как весело, — он рассмеялся, ударяя снова.

И опять.

Раз за разом.

Ломая ему ноги.

«Боже, Боже, Боже... Он же его убьет...» — Нильде закрыла рот рукой и достала пистолет из рюкзака, крепко стиснув рукоятку.

Нож был тоже при ней, но с такими психами он бы не помог. Ей могли вывернуть руку, напасть сзади, что угодно.

«Всегда выбирай пистолет, он надежнее», — говорил рассудительно Кайдэн.

Учитывая свои навыки стрелка, Нильде так бы и поступила.

Ощупывая стены, девушка медленно пошла вперед.

Как назло, потолок тоже был зеркальным — по нему невозможно было ориентироваться, где тупик, а где проход.

С самого начала она придерживалась стратегии правой руки — способу выхода из любого лабиринта.

Нильде приложила руку к зеркальной поверхности справа и всегда держала на этой стороне. Не отрывая ее от стены, просто шла вдоль.

Время от времени доносились леденящую душу крики. Далеко, рядом, везде.

Нильде переступила через лужу крови, стараясь абстрагироваться и не впадать в состояние слепого ужаса.

Она видела в отражении, как Скорпион ударил битой кого-то голове. Человек упал навзничь. А он стал добивать.

— Попалась, — раздалось над ухом, выбивая воздух из легких.

И тут девушка поняла, что ошиблась.

Красные черепа не были участниками мятежников — они выполняли функции охраны.

Настоящие стояли перед ней.

Семеро парней.

Маска японского Дьявола, маска Скелета, маска Куклы,

маска Зомби, маска Вампира, маска Ведьмы и маска Призрака. Копии фильма «Они», который она однажды ночью смотрела.

Сжимая в руках ножи, незнакомцы двинулись на нее.

Нильде попятилась.

Решение пришло ей в голову мгновенно.

Она позволила им подобраться ближе, а потом выстрелила в потолок.

Прямо над их головами.

Раздался оглушительный звон разбитого стекла.

«Выкусите, ублюдки».

Пока те были погребены под зеркалами, Нильде, не раздумывая, бросилась вперед.

Очередной тупик.

«Черт побери...»

Ноги горели от долгого бега.

Казалось, она плутала в лабиринте вечность.

Ее резко толкнули в спину.

Тень. Слишком поздно.

Нильде упала на пол, пистолет выскользнул из рук.

Свет погас.

Девушка моргнула, на ощупь пробираясь вперед.

Дыхание. Она слышала его дыхание.

Прерывистое. Хриплое.

Медленно стали мигать лампочки.

Нильде сразу схватила пистолет, поднимая с пола. Никого

не было рядом.

Одна.

Тишии...

«Только не он. Пожалуйста, только не Брут!»

Ее мольбы не были услышаны.

Нильде успела лишь вскрикнуть, прежде чем он схватил ее за запястье и потащил. В тайную комнату. Прямо внутри лабиринта.

Без окон и мебели. Замкнутое пространство за углом.

У Нильде не было клаустрофобии, но даже ей здесь стало тяжело дышать.

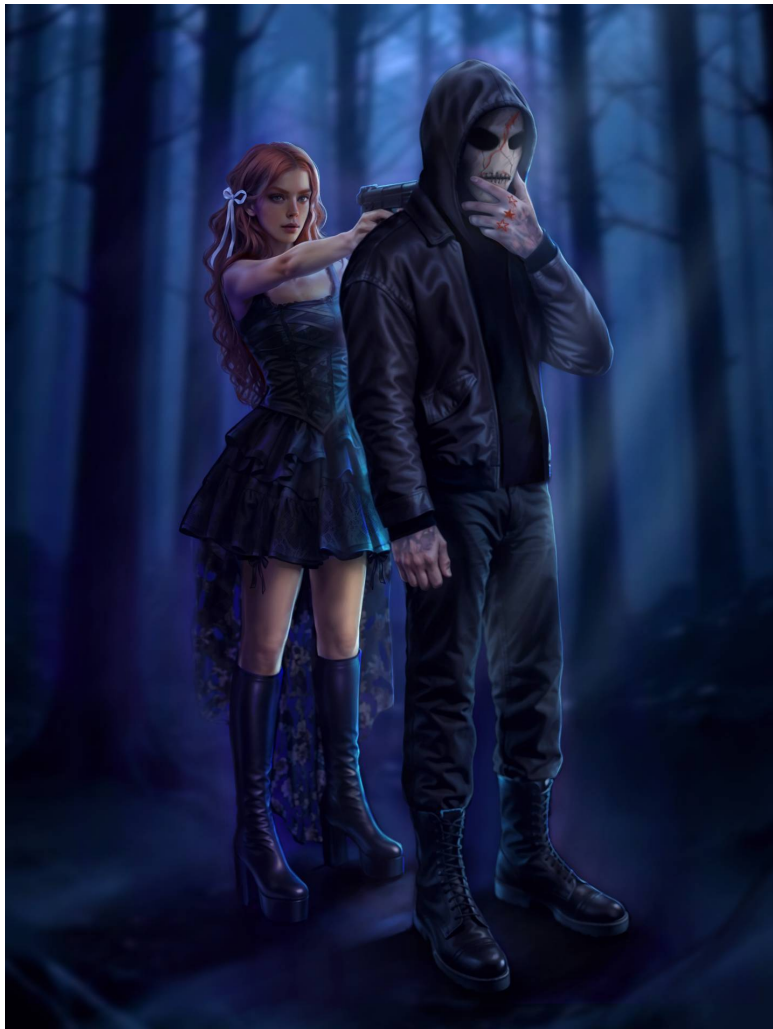
Мало места. Особенно, когда все заполняла массивная, высокая фигура в маске.

Комната освещалась теми же красными лампами, установленными вдоль стен. Нильде попыталась унять дрожь, глядя на окровавленный молоток в руках Брута.

Он стоял к ней спиной. Не оборачивался.

«Глупо подставлять спину врагу...»

Дуло пистолета прижалось к его затылку.

— Я выиграла, — заявила девушка, не упуская момента. Но очень скоро ощущение триумфа внутри нее притупилось.

Потому что Брут не казался напуганным. Не замер. Он медленно повернулся к девушке лицом и показал:

— *Проверь патроны.*

— Он заряжен, — нахмурилась Нильде. — Я только что стреляла из него.

Брут лишь склонил голову набок, наблюдая за ней, как за забавным зверьком.

Нильде открыла магазин и замерла — пустой.

«Как это возможно?!»

Видимо, он подменил его, когда свет отключили.

Теперь в ее руках была холостая бесполезная дрянь.

— *Какая оплошность. Уже не так весело, да?*

Страх окутал девушку вязкими щупальцами.

Обезоружена.

Брут раскрыл ладонь — золотые блестящие патроны блеснули в полумраке.

— *Думала обхитрить меня, куколка?*

Он без труда отобрал пистолет и методично стал вставлять один за другим патроны внутрь магазина.

Нильде отшатнулась.

«Что у него на уме?..»

И тут произошло то, чего она не ожидала. К чему не была готова.

Брут снял маску и бросил ее на пол.

Сердце Нильде бешено заколотилось в груди.

Она впала в странное оцепенение, слегка запрокинув голову, разглядывая каждый дюйм убийственно прекрасного лица.

Глубокие, обсидиановые глаза. Смертельно опасные. Как беззвездная тьма.

Длинные густые темные ресницы.

Острая линия челюсти.

Прямой, ровный нос.

Полные губы. Ядовитые.

Черные непослушные волосы, спадающие на глаза.

Она помнила, какими мягкими они раньше были на ощупь. Арден никому не позволял себя касаться. Кроме нее.
...Внушительная фигура, возвышающаяся над ней как минимум на голову.

Татуировки, видневшиеся из-под толстовки на шее и свободной от перчатки руке.

Он был настолько красивым, что это пугало.

Грудь парня вздымалась и опускалась с каждым вдохом.

Черные глаза впились в нее. Разглядывая с той же жадностью.

Словно Брут впервые себе позволил не просто посмотреть — увидеть.

Веснушки на слегка вздернутом носике и на щеках.

Эти глаза. Слегка затуманенные. Они сияли, когда Нильде медленно моргнула, не сводя с него взгляда.

Пухлые, приоткрытые губы.

Рыжие кудри, обрамляющие лицо.

Синяя венка, быющая на ее шее.

Смуглая кожа на обнаженных руках. Грудь. Ногах.

Чертовски длинных ногах.

Они не были такими, когда он видел куколку в последний раз...

Арден снял одну перчатку.

Медленно протянул руку, обхватив ее щеку.

Кожа к коже.

Теплая, такая мягкая...

Он перестал дышать на мгновение. Словно не веря, что это происходит наяву. Что он... *касается* ее.

Нежно провел подушечкой большого пальца по коже, лаская.

Позволил своим пальцам зарыться в рыжих волосах, продолжая гладить ее лицо. Бережно, едва ощутимо.

«Моя куколка. Моя».

Арден резко выдохнул, прикрывая веки.

Красная вспышка в памяти.

Ее руки на чужом теле.

Губы другого парня на ее губах.

Она целовала его.

Она, блядь, любила его.

Она позволила этому ублюдку забрать то, о чем ты даже не осмеливался просить.

Не забывай об этом. Не позволяй этой дряни снова ввести тебя в заблуждение.

Дефектный. Неправильный. Немой.

Ты всегда будешь только смотреть. Она будет играть с твоими чувствами, как делала это годами. Неважно, как долго ты будешь за ней следить. Неважно, как долго ты будешь уничтожать всех, кто подбирается к куколке ближе, чем позволено. Неважно, что она понятия не имеет.

Ты никогда не получишь ее.

Внутренний голос опутал сознание цепкой паутиной. Пуская отравляющие корни. Впрыскивая яд в кровь.

Нильде слегка вздрогнула, когда его рука безвольно упала вдоль тела, прерывая контакт.

Он нахмурил брови:

— Ты не должна была попадаться в поле моего зрения.

Свет в ее глазах погас. Нильде вырвалась из оцепенения.

— Я отпущу тебя, если ответишь честно. Что ты делала в нашем особняке?

«Я не могу сказать ему правду. Ни за что на свете».

Девушка упрямо поджала губы.

— Я заблудилась. Искала, где проводится инициация.

— Ты меня вынуждаешь, — оружие все еще лежало у него в руке.

Брут поднял его на уровень лица.

Она ошеломленно замерла, когда парень высунул язык и провел им по дулу ее пистолета. Серебристый шарик пирсинга сверкнул в полумраке комнаты.

«Арден проколол язык?..»

Не сводя с нее глаз, он сплюнул на пистолет.

— *А теперь открой рот, куколка,* — ухмыльнувшись, показал Брут.

Вспышка чего-то запретного внутри заставила ее отшатнуться.

— Ты совсем рехнулся?! Я не стану этого делать, ты, псих!
— яростно прошипела Нильде и попыталась броситься к двери, но он легко перехватил ее за талию и приставил заряженный пистолет к виску.

— *Или умрешь. Я выстрелю. Прямо здесь и прямо сейчас. А потом препарирую твое холодное тело. Так что если ты в настроении стать моей вечной игрушкой — вперед.*

Губы Нильде приоткрылись.

— *Такая хорошая девочка,* — похвалил он, поддевая пальцами атласную ленту в огненных волосах.

Дуло пистолета скользнуло в ее рот. Он надавил, заставляя плотно обхватить его губами.

— *Проведи по нему языком,* — приказал Брут одной рукой. — *Я хочу, чтобы ты обернула этот лживый рот вокруг пистолета. Хочу, чтобы ты сделала его влажным. Оближи.*

Она провела языком по холодному металлу, ощущая во рту вкус железа, гари и... Его вкус. Мяты, вишни, чего-то сладкого и острого.

И от этого ее тело содрогнулось. Темный трепет прошелся по спине.

«Отвращение. Это отвращение».

Ствол проник глубже, когда он резко толкнул, теряя терпение.

Девушка подавилась, но Брут не ослабил хватку, с садистическим наслаждением наблюдая за ее придушенным вздохом.

Нильде хотела врезать ему по яйцам своим ботинком, но это было невозможно в такой позиции.

Видимо, Брут заметил мстительный огонь в ее глазах, потому что ухмылка на лице ублюдка стала шире.

— *Ты ощущаешь мой вкус, не так ли?*

Да. Она ощущала.

С каждым движением языка. С толчками пистолета, который он вводил и выводил. Челюсть болела от того, как широко ей приходилось открывать рот.

Его палец лежал на курке.

— *Я хочу, чтобы ты задохнулась,* — Брут надавил на горло девушки, наблюдая за тем, как синие глаза с вызовом испепеляют его. Полные ненависти. — *Очаровательно.*

Он вытащил пистолет, и девушка согнулась пополам, едва не вывернув содержимое желудка наружу.

— *Ой, какие мы нежные,* — Брут насмешливо приподнял бровь, сунув пистолет в карман. — *Никогда не брала в рот? Ничего, все однажды случается в первый раз.*

Молчание в ответ.

— *Теперь ты мне расскажешь, какого дьявола инырля по особняку или мне приступить к новым пыткам?*

Нильде стиснула зубы, отказываясь с ним разговаривать.

Ей чертовски сильно хотелось стереть самодовольную улыбку с его лица.

— *Твоя самоотверженность могла бы вызвать гордость, но все, о чем я думаю — это как мне хочется видеть тебя на коленях.*

— Йохансены никогда не встают на колени, они на них ставят, — произнесла Нильде, держа голову гордо поднятой. Отказываясь подчиняться. — Сломай мне ноги. Это единственный вариант, при котором ты увидишь меня под собой, ублюдок.

— *Как много надменности,* — скучающе показал он, скривив уголок губ. — *Что насчет молотка?* — Брут поднял его, перекинув через плечо.

— Ты ужасен, мерзкий, жестокий...

— *Слишком много комплиментов, я не успеваю смущаться,* — он приподнял бровь.

— Психопат.

— *Да. Я психопат.*

Она моргнула в замешательстве.

— *Что, думала, буду отрицать? Зачем же...* — Брут прижал клин молотка к ее шее. — *Я горжусь тем, кто я. Каждая часть моего изощренного ума, каждый темный уголок — все совершенно. Я дружу со своими демонами, на самом деле, мы одно целое,* — он провел ударной частью по ее ключице, наслаждаясь тем, как ее тело дрожало, отзываясь на контакт.

Его член дернулся в брюках, затвердевая.

— *Просто встань на колени. Признай свое место. Под моими ногами. Как надоевшая игрушка, которую я выбросил годы назад.*

Сердце Нильде пропустило удар.

Он помнил.

Упомянул это, как что-то, над чем можно поиздеваться. Незначимое. Обесценил все их совместное прошлое.

В то время как она убивала себя воспоминаниями.

Как этот сукин сын посмел...

Прилив адреналина, гнев, обида, ненависть — все смешалось.

Нильде перестала себя контролировать, вскинулась и набросилась на парня, словно обезумевшая.

Изо всех сил ударяя лбом в его нос.

Боль взорвалась в костях. Перед глазами пронеслись звездочки.

Послышался тошнотворный хруст.

И кровь брызнула фонтаном.

Тело Нильде парализовало.

Запоздалое понимание стало просачиваться сквозь отуманенный яростью разум.

«Господи, Господи, Господи... Я сломала ему нос! Или разбила... Неважно...»

Да.

Именно этого всплеска он добивался.

Брут поднял голову.

Она застыла.

Он не хмурился. Не шипел от боли. Не корчился.

И от этого было только страшнее.

Потому что Арден улыбался.

Улыбался широко.

Окровавленными губами, как безумец.

Вскинул голову назад, бесшумно смеясь, его плечи сотрясались.

Кровь стекала по всему лицу парня, и Нильде ощущала липкую влагу на своем. Коснулась пальцами щеки, и подушечки окрасились в багровый.

— *Ты же знаешь, что кровь меня возбуждает,* — он провёл языком по зубам. Солёная. Острая. Идеальная.

Нильде метнулась к двери. Напрасно.

Брут сразу поймал девушку, прижимая к стене всем весом.

— Отпусти меня.

Он вытер рот рукавом толстовки, продолжая развязно ух-

мыляться.

— Ты пролила мою кровь, куколка. Будет справедливо, если я попробую твою.

И прежде, чем она успела осознать, что это значит, наклонился, смыкая зубы на ее нижней губе. Татуированная рука легла на тонкую талию, удерживая на месте.

Он укусил мягкую плоть, посасывая, пробуя. Во рту взорвался металлический вкус. Но Арден, игнорируя жалобный всхлип, только провел языком по ее губам, собирая каждую каплю.

Клубника, кровь, грех.

Она ощущалась как рай, который он собирался опустошить.

Пальцы девушки вцепились в его толстовку, комкая ткань, пока Брут пожирал ее рот, словно оголодавший. Клеймя собой.

Это не был поцелуй.

И близко нет.

Он не целовал. Не проник в ее рот языком.

Даже если ему больше всего, блядь, хотелось обхватить тонкое горло ладонью и припечатать затылком к стене. Провести языком по ее языку, поддразнивая, ощутить, как пирсинг будет ласкать каждый уголок рта куколки, глубоко внутрь. Сводить с ума и...

«Сука. Ненавижу тебя. Как же я тебя ненавижу, ты бы только знала».

Член требовательно упирался в ширинку, причиняя боль.

Его глаза не закрылись, Арден наблюдал за ней из-под полуприкрытых век, жадно впитывая каждую деталь.

То, как хрупкое тело дрожало. От каждого запретного прикосновения.

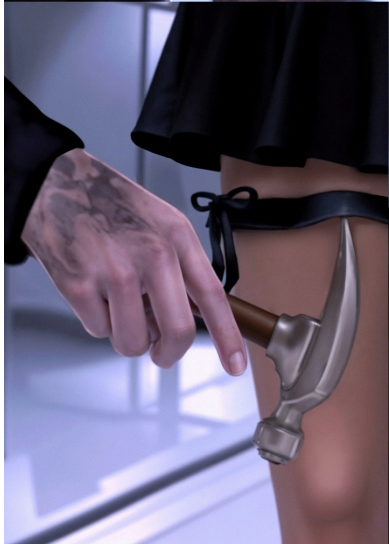
То, как ее ресницы трепетали, когда она зажмурилась. Словно пытаясь убежать от его пронзительного, жгучего взгляда.

То, как девушка отчаянно пыталась сопротивляться.

То, как ее маленькие пальцы впились в его плечи.

Новый звук.

«Прекрасно. Так охрененно красиво, куколка. Потому что это только для меня».

Тихое хныканье, искушающее его. Заставляющее жаждать большего.

Ардену хотелось вероломно осквернить ее. Каждый дюйм. Испортить, чтобы не досталось никому.

Он наклонил голову, облизывая ее припухшую нижнюю губу.

Нильде ощущала во рту смешанный, опьяняющий вкус их крови.

— Хватит... — она отчаянно помотала головой и застыла, когда вдруг почувствовала что-то на своем колене.

Холодное.

Молоток.

Нежная кожа мгновенно покрылась мурашками.

Арден тяжело дышал ей в губы, и именно от этого... От тяжелого дыхания, вырывающегося из его горла резкими, загнанными рывками... Внизу ее живота закружился постыдный, необъяснимый жар. Запретной похоти. Что-то сорвалось. Она никогда прежде не испытывала такого.

Острый клин, слегка царапая кожу, поднялся выше по колену. По внутренней стороне бедра.

Нильде дернулась, как от удара.

— Прекрати, А... — рука в перчатке легла на ее рот.

Брут покачал головой, призывая молчать.

Его руки были заняты, чтобы разговаривать.

Выступ молотка, задрав платье, подцепил кружевные подвязки на ее бедре. Медленно приближаясь к внутренней стороне. Почти вклиниваясь между ног.

— Пожалуйста, не надо... — она зажмурилась. Не сдержалась. Слезинка скатилась из уголка глаза, блестя в полумраке комнаты.

Он оторвался от ее губ и провел большим пальцем по щеке, потирая между пальцами влагу. Разглядывая. Почти очарованный.

Отошел на шаг и показал:

— *Убегай, куколка. Убегай прямо сейчас. Пока я не решил тебя преследовать. Потому что если я брошусь в погоню — я трахну тебя этим молотком, заставляя истекать для меня кровью.*

Ему не пришлось повторять. Паника внутри нее достигла предела. Нильде бросилась прочь так быстро, как только могла.

Она бежала по лабиринту, придерживаясь зеркальной стены, чудом не врезаясь в стекло.

Легкие горели. Колени жгло от усталости, но она не останавливалась.

Не могла.

Не тогда, когда в висках раздавалась его безумная угроза. Губы саднило. Пекло от того, как он вкушал их.

Грязно, грязно, грязно...

Девушка взвизгнула, когда из-за угла на нее бросился па-

рень в костюме окровавленного кролика. С топором наперевес.

«Боже, пожалуйста, помоги...»

И в этот момент хлынула вода.

Сработала автоматическая противопожарная система, замигали кругом огни. Пользуясь суматохой и смятением человека-кролика, Нильде помчалась вперед.

К двери, которая пряталась за искаженным отражением. Она яростно дернула ручку и оказалась на свободе.

На улице все еще было темно, а это означало, что ритуал посвящения был... выполнен.

Но Нильде это не волновало.

К черту инициацию.

К черту мятежников.

Она едва не погибла.

Рычание мотора разорвало ночной воздух.

— Запрыгивай! — Мия помогла ей забраться на пассажирское сиденье, и мотоцикл сорвался с места, оставляя после себя лишь столп пыли.

Арден наклонился, подбирая кулон, который она в спешке оборонила.

Тонкая цепочка и звездочка. Подарок любимого дедушки, и принцесса дорожила им.

Она очень грустила, когда он умер.

Он помнил, как Нильде примчалась к нему, вся в слезах,

а Арден мгновенно впал в смертоносное состояние, собираясь уничтожить ублюдка, который ее расстроил. Но причина оказалась... иной.

Он не знал, как утешать людей. Не знал, как себя вести в таких ситуациях.

«Я не умею даже разговаривать...» — впервые немота вызвала у Брута досаду.

Последний раз свободно Арден говорил ребенком, но с тех пор прошло много лет...

Поэтому, беспомощно глядя на нее, он сделал единственное, что мог.

Обнял.

Осторожно обхватил Нильде руками, молясь, чтобы она не испытала отвращения.

«Пожалуйста, не убегай, куколка. Не хочу, чтобы ты меня боялась. Только не ты... Прошу, не бойся, прошу, не бойся меня никогда, пожалуйста, не бойся...»

Девочка прижалась к нему, уткнувшись носом в шею Ардена. Облегчение затопило грудную клетку мальчика.

Она плакала на его коленях до тех пор, пока не выдохлась. Такая крошечная, несчастная... Ему было невыносимо видеть, как принцесса страдает. Арден гладил ее по волосам, молча утешая.

Воспоминание померкло.

Брут мрачно усмехнулся, сунув кулон в карман.

Он знал: она вернется за ним.

Рано или поздно.

Глава 2

Нильде — 7, Ардену — 10 лет

Болезнь — полный отстой. Нильде ненавидела болезнь.

Доктор говорил, что у нее плохо работает сердце. И его постоянно нужно лечить.

Сколько Нильде себя помнила, перед глазами всегда проносились белые стены, противные таблетки и специфический запах хлорки.

«Ненавижу».

Девочка вздохнула, обхватив коленки руками.

Худенькая, вся в веснушках, с крошечным, вздернутым носиком и копной ярко-рыжих кудрей, она напоминала куколку.

Нильде бросила очередной угрюмый взгляд в окно.

Там, за стеклом, открывался вид на подростков, играющих на опушке леса. Они весело гоняли мяч на импровизированной площадке.

Был уже конец августа.

Все нормальные дети собирались в первый класс, а она...

«Домашнее обучение».

Потому что ее здоровье не позволяло учиться там, где все.

«Я другая. Странная», — горько подумала девочка, уткнувшись носом в стекло.

Раньше, когда Нильде была помладше, старшие братья с

ней играли.

Но теперь они стали взрослыми.

Кайдена дома почти не было.

Все говорили, что он гений. Очень умный, в школе учился лучше остальных, набирая высшие баллы, и легко перескочил на пару классов вперед. Все свое время мальчик проводил за съемками.

Нильде немножко злилась, но больше — гордилась своим братом и восхищалась. У них всегда была особая связь. С самого ее рождения.

«Кай самый крутой в мире!»

Нильде до дыр пересмотрела все фильмы с ним.

Он был очень знаменитым актером, и когда Кайден просто шел по улице с сестрой, то его постоянно останавливали поклонники, чтобы взять автограф или сфотографироваться.

Девочка никогда не завидовала. Она испытывала прилив радости, видя Кайдена счастливым.

Когда высвобождалась свободная минутка, он тусовался в компании лучших друзей — Вильяма, Риза, Дэниела, Скорпиона.

Конечно, с мальчишками было веселее, чем с болеющей сестрой.

Тем более, они были все его возраста. Не то, что маленькая Нильде...

«Нет. Кай меня любит», — остановила обиженный поток

мыслей девочка.

«Ведь братик пишет мне каждый день. Он приносит мне подарки. А когда заходит домой, то сразу бежит ко мне и обнимает. Я очень люблю Кая».

Она не хотела обижаться на него, но это все равно задевало Нильде. Она была маленьким ребенком, который хотел, чтобы с ней проводили время. Желательно — *все время*.

У нее был и второй старший брат. Николай. Он был шумным, веселым, а еще — боксером.

«Ни сильный...»

Каждый раз приносил домой только золотые медали с соревнований. Нильде гордилась им тоже.

Николай учил ее русским словам, смешил, отвлекая от болезни, играл в приставку, показывал разные боксерские приемы. Он был ее защитником, когда она пакостничала или хулиганила, никогда не сдавал родителям и стоял за сестренку горой.

Но Ни тоже вечно пропадал с друзьями.

Скорпи, когда приходил к ним в гости, всегда веселил Нильде, играл с ней в прятки или рубился в стрелялки, показывая свои секретные приемы девочке.

Казалось, это было в другой жизни...

Она все реже его видела.

Вильям и Дэниел не были так дружелюбны, но зато Нильде любила их доставать.

«Дэнни смешно кричал, когда я выдернула шнур его ком-

пьютера во время игры», — плутовато хихикнула Нильде.

Когда мальчишки приходили к ним домой, чтобы побыть с Каем и Нико, то она вдоволь их дразнила — пугала из-за угла, прятала телефоны, строила рожицы, повторяла специально каждое слово, выводя всех из себя.

Из всей шумной компании она любила больше всех дядю Риза.

Он был самым старшим. Никогда не ругал, не ворчал, как Дэн, не хмурился, как Ви, обычно сажал на свои колени, приносил каждый раз ей чего-то вкусного, рассказывал интересные истории и не прогонял, когда мальчишки шептались между собой о разном взрослом.

«Иди сюда, ребенок», — звал он, и Нильде охотно мчалась навстречу. Ему она, в отличие от остальных, пакости не устраивала.

Дядя Риз болел, как она, и он тоже провел все детство в больницах. Но у него теперь было много друзей. Нильде хотелось верить, что и у нее они появятся однажды.

«А еще дядя Риз научил меня плохим словам. Но я их буду говорить только злым людям», — Нильде поморщила носик.

Дети все еще бегали.

Она никогда не переходила на тот участок. За забор их особняка.

Родители говорили, что это опасно. Лучше играть у них во дворе — он был необъятным, с прекрасным лабиринтом

садов, огромным комплексом статуй и голубых фонтанов.

Темный дворец, окруженный густым лесом. Район был вдали от городского шума.

«В лес гулять меня одну тоже не пускают...» — с досадой подумала девочка.

Они переехали сюда недавно.

Раньше у них был другой дом — рядом с океаном. Нильде там нравилось, но мамочке было плохо. Вода ее стала пугать. И папа, конечно, исправил это.

Новый город.

Новые воспоминания.

Район для Нильде был неизведанным. И она решительно настроилась это исправить. Прямо сейчас.

«Не хочу грустить. Я тоже пойду поиграю с ними!»

Девочка вскочила с подоконника и, собрав пышные юбки голубого платья, ринулась вниз по лестнице.

Няня дремала, братья как всегда ушли по своим делам, папа был на работе, а мамочка — сидела за ноутбуком.

— Малышка, ты куда собралась? — Эви тут же подняла голову.

— Можно в сад, мамочка? — Нильде подошла к ней и крепко обняла, обвив своими тонкими ручками талию девушки.

Она обожала маму. Так же сильно, как и папу. Они были для нее самыми лучшими на свете. Всегда заботливые, внимательные — родители окутывали дочку бесконечной любовью.

вью.

— Конечно, моя радость, — Эви поцеловала ребенка в лоб и тепло улыбнулась. Ее маленькая девочка так быстро росла... — Хочешь, пойдем вместе? — предложила она. — Дай мне пять минут, я быстро закончу работу и приду.

— Можно я одна? — Нильде не стала упоминать про то, куда собирается пойти, оставив это при себе. — Пожалуйста!

— Ладно, Ни, только будь осторожна, — предостерегла ее мама. — Не выходи на дорогу одна.

Девочка невинно улыбнулась, напялив шляпку на голову:

— Да, мамочка.

Она незаметно стащила ключ-карту и прямо сейчас зажала ее в складках воздушного платья.

Нильде собиралась разблокировать забор этой штукой и обойти систему. Она уже видела, как так делал Кай, когда тайком уходил по ночам куда-то.

Это должно было сработать.

«Прости, мам, но я очень быстро вернусь! Обещаю!» — извинилась про себя Нильде. Чувство вины кольнуло за ложь, но девочка не собиралась упустить свой шанс.

Оказавшись в саду, она прошмыгнула незаметно от охраны по своей любимой затененной тропинке и вскоре оказалась у бесконечного забора. Никакой сигнализации. *Не с этим ключом.*

Никто даже не заметил. Думали, она бежит по саду, как и всегда.

«Спасибо, братик Кай», — проказливо улыбнулась девочка.

Вскоре Нильде была уже на свободе.

Там, куда ей всегда запрещали ходить.

Девочка дошла до конца аллеи с красивыми домами и оказалась в другой части квартала. Они жили на границе элитного комплекса и...

Папа говорил, что на другой стороне живут люди, с которыми он предпочел бы не иметь дел. Нильде не знала, были ли они его врагами, или просто не нравились папочке, но...

«Они не навредят мне. Им, наверное, по столько же, как и мне. Или немножко больше. Неважно», — она отряхнула платье и подняла голову, глядя на дома перед собой.

Они были намного меньше, чем их дом или те, что шли по другую сторону аллеи.

Нильде с любопытством разглядывала местность и, недолго думая, направилась в сторону опушки, которую видела с окна.

«Надеюсь, те ребята не ушли...»

Да.

Все были там. Играли.

Шестеро.

Трое девочек и трое мальчишек.

Нильде, притаившись за деревом, внимательно их рассмотрела.

Они были старше нее на пару лет. Не такие взрослые, как

Кайден или Риз. Может, лет двенадцати. Она точно не знала.

Первый мальчик, с потрепанными светлыми волосами, старался обойти второго — с бритой головой, который ловко вел мяч. Третий — облокотился о спинку небольшой лавочки и со скукой наблюдал. Видимо, ему надоело играть самому. У этого были темные длинные волосы, собранные в хвостик на затылке. Он выглядел почти таким же сильным, как Николай. Глубокая царапина рассекала его бровь надвое.

Рядом с ним сидели две девочки, светловолосые, кажется, сестры.

Они тоже увлеченно следили за игрой и хихикали между собой.

Третья — висела на турнике. У нее были короткие темные волосы и большой синяк на щеке.

Нильде удивил их внешний вид.

Они выглядели неопрятными, в порванной одежде, обносках.

Гардероб Нильде был полон разных дорогих вещей. Дамиан покупал ей все, что она желала. У нее были отдельные комнаты для блестящей обуви, курток, платьев, сумочек — всего. Она обожала выбирать одежду с няней. Это был ее маленький утренний ритуал, сразу после чистки зубов и заправления постели.

Как и выбор прически. Прямо сейчас ее волосы были стянуты шелковой синей ленточкой. Этих вещичек у Нильде тоже было навалом...

Глядя на детей, она не испытала отвращения или неприязни. Только удивление.

«Какая разница, как кто выглядит? Папочка говорит, что важнее — сердце человека. Вдруг у них оно хорошее?..»

Мяч откатился прямо к ее ногам.

Нильде наклонилась, поднимая его.

Маленькие пальцы скользнули по грязному шву, с интересом изучая.

«Пора».

Она вышла из своего укрытия и робко улыбнулась компании.

Разговоры мигом стихли.

Ее окинули неодобрительными взглядами.

— Что ты тут забыла? — подала голос одна из девочек. Та, что сидела с краю обшарпанной скамейки. Она вызывающе надула шарик жвачки, и он лопнул.

Нильде не обратила внимание на ее вызывающий тон. Подошла поближе.

— Можно поиграть с вами? Я Нильде.

— Никто твоего имени не спрашивал. Это *наша* территория. И *наша* площадка.

«Но площадка в лесу, а лес — общий», — хотелось поспорить Нильде, но она сдержалась, не желая затевать ссору с потенциальными друзьями.

— Так-так-так, кого мы видим, — светловолосый мальчишка встал прямо перед Нильде. — Пришла похвастаться?

— ядовито бросил.

«Почему они злятся на меня?»

Ее платье казалось неуместно красивым среди ржавой ограды и самодельных футбольных ворот с облупившейся краской — словно облако, случайно забредшее в трущобы.

— Нет. Я хочу подружиться...

— Подружиться она хочет — послушайте эту мелочь, — сипло рассмеялась девочка с синяком, перебросившись с мальчишками странным взглядом. — Мяч верни.

— Я... Я просто нашла... — заикнулась Нильде.

С ней никто так раньше не разговаривал. Все были вежливыми, а если и поддразнивали — то по-доброму. Не как эти ребята.

Она неуверенно протянула им мяч.

— Нашла! — передразнила девочка, выплюнув жвачку.

— Она его «нашла»? А может, украсть хотела? Богатенькие любят же брать чужое. Да?

Они обступили ее. Кто-то сбил с Нильде шляпку.

Она вздрогнула.

— Я ничего не крала, — возразила тихо, но уже увереннее, сжав руки в кулаки. Ей не за что было стыдиться.

Ответный смех был острым, как битое стекло.

— Тебя сверху прислали поглядеть, как нищие живут? — насмешливо выдал мальчик с бритой головой.

— Я просто хотела...

— Ага. «Просто», — кто-то толкнул ее на землю.

Нильде стиснула зубы, отказываясь плакать. Даже когда упала.

Не хотела показаться слабачкой.

Но это только раззадорило их больше — потому что не получили ожидаемую реакцию.

Один из мальчишек схватил ее за плечо, грубо поднимая.
— Что? До сих пор хочешь дружить? — передразнил он девочку.

— Нет. Вы все злые, — Нильде попыталась вырваться.

Конечно, он не отпустил. Швырнул ее своему дружку, буд-то игрушку.

Тот перехватил девочку. Беспощадно дернул за ленты в ее волосах, срывая их. Вместе с прядями.

— Больно! — она всхлипнула, пытаясь защититься, но без толку.

Он сильнее. И их было больше.

«Мне страшно...»

Слезы все-таки потекли по лицу Нильде.

Потому что они толкали ее, называли мерзкими словами, а потом вцепились в платье. Девочки лишь смеялись, подначивая их продолжить издевки. Ожесточить игру.

Сердце Нильде то подскакивало к горлу, то замедляло ритм.

«Хочу, чтобы они перестали... Я хочу домой...»

Ткань платья затрещала по швам.

Она зажмурилась, вся сжавшись.

Как вдруг...

Темноволосый мрачный мальчик молча перегородил путь обидчикам.

Нильде распахнула глаза. Прямо перед ней стоял силуэт. Она не видела его лица. Только спину.

Компания замерла.

Они перепугались до смерти. Казалось, от ужаса их тела парализовало. Лица девочек стали отвратительно-белыми, как мел.

Человек не произнес ни слова.

Просто продолжил сверлить их мертвым взглядом.

А потом пошел вперед. Медленно.

Шаг.

Еще шаг.

Остальные стали пятиться.

«Почему?» — недоумевала Нильде.

Мальчик подошел к тому, кто издевался над ней больше всех.

Послышался хруст.

Следом — тошнотворный вопль. Потому что сломал ему нос.

Кровь брызнула во все стороны. Картину загораживала спина спасителя. Но она заметила, как алая кровь оросила землю и траву, пропитывая ее.

Все произошло слишком быстро. Драки, как таковой не было. Остальные, завидев это, бросились врассыпную вслед

за побитым товарищем. Никто не посмел даже вздумать — ударить в ответ или огрызнуться, несмотря на то, что Брут был младше них. Они все хорошо знали, на что он способен. Жестокости в нем было не унять. То, что Брут остановился на переломе носа — огромная щедрость. Судьбу испытывать не хотелось.

«Он спас меня...»

Нильде робко дернула его за рукав черной толстовки.

Мальчик повернулся к ней.

А она оцепенела.

В нем не было ничего, что бы ужасало.

«Странно, отчего все испугались? Еще до удара...»

Он казался прекрасным.

Почти волшебным.

Обсидиановые глаза, темные, растрепанные волосы. Хмурый, худощавый и бесконечно печальный. На вид он был немного старше нее.

«Красивый...»

— Спасибо, — обходительно сверкнула ямочками на щеках Нильде, но тот не ответил на благодарность. Остался безучастным к ее обаянию.

Только смотрел на Нильде пустым, отсутствующим взглядом.

Черные глаза впились в веснушчатое лицо, рыжие локоны, синие, как небо, глаза. Пышное голубое платье.

— Как тебя зовут? — дружелюбно поинтересовалась де-

вочка, с любопытством рассматривая его в ответ. — Ты как темный эльф из сказок.

Мальчик в замешательстве моргнул.

Почти испуганно.

Никто прежде не говорил ему ничего подобного.

Бруту хотелось исчезнуть — он не понимал, как это возможно — чтобы на него смотрели с добротой.

Может, ошиблась? Спутала с кем-то?..

Но нет. Девочка продолжала *улыбаться*. Не насмешливо. Не с издевкой.

«Почему?»

Брут казался ошеломленным тем, что она до сих пор глядит на него без страха, пренебрежения или отвращения. Это сбивало с толку.

На его обычно мертвом лице скользнула тень недоумения.

Даже Туман, когда смотрел ему в глаза, был настороже. Не терял бдительности ни на мгновение. Знал — повернись он спиной, и Брут нападет. Перегрызет глотку, как бешеный цербер.

Скорпион глядел на него точно так же. Аврора — сестра Тумана, морщилась и отводила взгляд. Словно вынести присутствие Брута было тяжким испытанием.

Но эта девочка... Она сказала, что он похож на эльфа. Не на монстра. Казалась искренней, светлой. Как крошечный лучик.

И ему впервые в жизни не хотелось причинять боль.

Только не ей.

— Ты поранился, — нахмурилась Нильде. Аккуратно взяла его за руку. Костяшки были разбиты, кожа с них слезла.

— Стой здесь, я принесу пластырь! — строго скомандовала она и убежала, оставив после себя запах сирени и солнца.

Брут послушно застыл на месте. Сам не знал, почему решил послушаться. Даже не шелохнулся. Терпеливо ждал, пока она вернется.

И вот девочка, спотыкаясь, помчалась к Бруту.

«Впервые бегут не от меня. А ко мне...»

Ее щеки слегка покраснелись от бега.

— Можно? — Нильде протянула ладошку, и он неуверенно вложил в нее свою. Слегка дрожащую. Надеясь, что она не заметит.

Теплая. Ее рука была такой теплой. Грела его, ледяную.

И удивительно нежной.

Девочка огорченно вздохнула, вид ран Брута ее расстраивал.

Других это никогда не волновало...

Потом бережно подула на ссадину, чтобы болело меньше.

В груди у него что-то перевернулось.

Пластырь был с маленькими звездочками. Желтыми и красными.

— Вот. Так лучше, — сказала она, прижимая липкую ленту к его руке, а он отчего-то стоял, позволяя ей это сделать.

— Я Нильде, — сообщила девочка наконец, выпустив его

холодные пальцы. — Ты знаешь английский? Или ты иностранец? Мой старший братик тоже не американец, он из России и... — верещала она без умолку, а Брут не останавливал.

Ему нравилось слышать голос девочки. Он успокаивал клубящуюся тьму внутри него. Дышать становилось легче.

Мальчик достал старый телефон, печатая там текст, и показал экран Нильде.

— Арден, — прочитала она быстро и лучезарно улыбнулась. — Это твое имя? Очень красивое.

Она была первой и единственной, кому он представился им. Настоящим.

Все остальные знали его как «Брута». Но ей он не захотел называть дурацкую кличку.

Она смотрела на него, как на своего героя.

«Принцесса», — решил мальчик. «Маленькая куколка».

— Нильде, где ты?! — послышался чей-то обеспокоенный голос, и девочка воровато оглянулась.

— Мне пора, — она напоследок одарила Брута щербатой улыбкой. — Еще раз спасибо, что спас меня, Арден!

Он попробовал улыбнуться. Было трудно, учитывая, что Арден не делал это десять лет.

Уголки его губ неуклюже дрогнули, слегка приподнимаясь.

«Я наверняка выгляжу как клоун из Оно».

Брут не хотел ее пугать. Но принцесса только рассмеялась.

— Пока! — она убежала, оставив его со странным чувством.

Словно внутри него впервые зажегся свет. Целые созвездия.

Арден остался стоять, растерянно глядя на свою руку...

Он чувствовал себя неловко, когда переминался с ноги на ногу, ожидая Нильде у высоких ворот. В руках Арден держал обороненную ей шляпку. Голубую, с цветочками.

Прошла уже целая неделя, а мальчик никак не мог с пересечься с принцессой.

Приемные родители устраивали званые вечера, и ему, как хорошему сыну, следовало торчать среди богатых ублюдков, слушая их фальшивые голоса, несущие бред о благотворительности. Он не верил ни единому.

Они постоянно притворялись. Родители. Среди гостей — делали вид, что не мучают его. Что они хорошие.

«Ненавижу их».

В этой семье Арден жил последние три года и не было похоже, что они его вышвырнут, как предыдущие.

Шесть раз от него отказывались.

Дефектный, бесполезный, агрессивный ребенок.

Исчадие ада. Мерзкий. Обуза.

Он уже потерял счет всем эпитетам, которыми его награждали...

Если что-то пропало из дома — виноват Арден.

Если один из детей приемных родителей упал или заплакал — виноват тоже Арден. Расстроил, напугал значит. Никто даже не разбирался в настоящей причине. Зачем?

Если говорил на языке жестов, то его непременно одергивали:

— Будь нормальным. Веди себя, как обычный ребенок!

«А каково это — быть нормальным?» — горько думал Арден. «Научите, я буду...»

Семилетний малыш был растерян. Он не знал, чем заслужил это.

«Почему меня все вокруг ненавидят? Я же не сделал ничего плохого...»

Арден смотрел в зеркало, пытаясь увидеть рога или демонические крылья за спиной, но ничего не было. Только худое, бледное лицо. Уставшие глаза.

Тогда почему?..

Когда отказалась первая семья, малыш был искренне растерян. Ведь вел себя тихо, очень старался им понравиться. Ходил на цыпочках дома, ночью не шумел, не убегал никуда, не просил купить игрушки, мало ел, делал все, что они ему говорили...

Но через пару недель его все равно вернули в приют.

Как вещь не по размеру.

К тому времени Арден успел привязаться к приемным родителям. Они были добрыми, внимательными...

«Никто не хочет жить со мной. Я никому не нужен... Меня никогда не выберут...»

Арден не понимал, где ошибся. За что с ним так поступили.

За первым отказом последовал и второй, и следующий, бесконечным потоком...

Сначала он очень сильно расстраивался, а потом подавленное разочарование стало выливаться в агрессию.

Арден нарочно ломал вещи, нарочно пугал домочадцев, только чтобы его выдворили поскорее.

«Все равно откажутся. Для них я монстр, смысл быть послушным?»

Тогда будет не так больно, когда очередная семейка его выставит за дверь, как нашкодившего пса... Лучше уж в приюте жить.

Уилсоны были седьмыми.

В первый же день Арден провернул свою классическую схему отпугивания. Но, к удивлению, они терпеливо улыбались, не ругали его за разбитые вазы. Не кричали, когда он проколол шину их дорогого суперкара. Не трясли его, не били, только продолжали улыбаться.

Мальчик тогда не подозревал: весь ад впереди.

Потому что эта проклятая семья была одержима идеей «чистоты» души. Они взяли Ардена именно поэтому. Чтобы вылечить. Чтобы сделать нормальным. Починить. Даже если для этого требовалось разрезать его грудную клетку пополам.

Арден сжал зубы. Он терпеть не мог их.

Но даже так... Ничто не могло сравниться с его биологическим отцом.

Первое воспоминание Ардена было обрывочным.

Он помнил теплые, добрые глаза. Маму.

Да.

Ее глаза были ярко-зеленого цвета. Они всегда сияли, когда женщина с заботой глядела на сына.

Помнил ее голос. Мелодичный. Она называла его «моя жизнь». «Мой свет». «Мой Арден».

Помнил ощущение, как мама нежно целовала его в лоб. Гладила по волосам, убирая от лица непослушные пряди.

Помнил, как мама читала сказки. А он — опускал голову ей на плечо и умиротворенно внимал каждому слову.

Помнил, как получил на свой четвертый День Рождения самый ценный подарок — домашнего питомца.

— Мамочка, спасибо! — Арден повис на шее женщины, и она ласково обняла сына, смеясь. Он был так похож на нее внешне...

— С Днем Рождения, мой свет. Я очень тебя люблю. Всегда знай это, Арден.

— Я тоже тебя люблю!

Это был щенок. Очень энергичный, крошечный.

Белого цвета, с небольшими рыжими пятнами на спинке и мордочке. Он бросился облизывать лицо Ардена, сбив с ног.

Мальчик беззаветно полюбил его с первой же секунды.

Каждый день они с мамой выгуливали собаку в их большом саду, он кормил Рекса, брал с собой спать, постоянно

играл с ним.

Верный малыш всегда был рядом. Он встречал хозяина, когда тот куда-то уезжал ненадолго, с таким энтузиазмом, что привычно валил мальчика на пол. Но Арден никогда не ругался. Он только громко смеялся, трепля Рекса за ушком. Радуюсь тому, что друг так к нему привязан.

Теперь каждый его день был ярким.

Все ассоциировалось с Рексом.

Если Арден выходил на улицу, то захватывал с собой разноцветный мячик. Собака была очень игривой и любила гнаться за ним.

Мальчик улыбался, глядя на то, как Рекс, активно виляя хвостом, встал на задние лапки, держа в зубах мягкий резиновый мяч. Пес слегка боднул его головой в колено, подталкивая к тому, чтобы продолжить игру.

Арден почесал его под шеей, прежде чем замахнуться и бросить шарик далеко в траву. С веселым лаем собака бросилась за ним.

Следующее, что он помнил — потеря. Мама пропала.

Однажды проснулся, а мамочки больше не было.

Арден плакал, звал ее, открывал двери каждой комнаты особняка — пустота.

Он бросился к папе, но тот только отмахнулся. Сказал, что мама ушла от них.

Мальчик не мог в это поверить.

«Мама бы не оставила меня... Никогда».

— Папочка, пожалуйста, найди ее... — молил он, но мужчина только пренебрежительно оттолкнул его руку, поправляя манжеты своей идеально выглаженной рубашки. Не обращая внимания на слезы и крики Ардена, Ксавьер надел пиджак и вышел из дома вместе с сопровождающей его охраной.

Папу всегда все слушали. Ему никто не смел перечить. Он не ругался с мамой, не был злым, просто вечно занятым...

Никогда не кормил сына, не читал ему книг, не обнимал. В один из дней, когда мальчик в очередной раз плакал и цеплялся за него, упрашивая найти маму, Ксавьер Грейсон странно улыбнулся:

— Раз ты так упорно хочешь увидеть маму... Идем. Я приведу тебя к ней.

— Правда, папочка? — глаза Ардена расширились и наполнились надеждой.

Он ощутил прилив чистой радости. На сердце стало так легко.

Мамочка не пропала! Значит она просто куда-то уезжала или заблудилась, а папа ее нашел!

«Мама... Я по ней так соскучился... Хочу показать мой новый лего-домик, который собрал вчера! Сам! Ей понравится!»

— Правда. Идем.

Ксавьер взял сына за руку и повел в сторону двери, кото-

рая всегда была заперта.

Мальчик слегка нахмурился.

Он думал, мама войдет через парадную дверь.

Но это... Был подвал.

Затхлое помещение. Лестница.

Темнота.

Он спотыкался на каждом шагу, ступая по каменным плитам подвала.

Ужасное предчувствие сжало горло Ардена.

Первоначальная радость сменилась тревогой.

Комната была большой. Даже больше их гостиной.

Зажегся свет.

И мальчик застыл. К горлу подкатил ком.

Арден не знал, что *это*, но ему стало не по себе.

Манекены были пригвождены к стенам. Они находились за стеклом. Словно картины. Музейные экспонаты.

Коробки висели по всей поверхности бесконечных стен. Куда бы Арден ни повернул голову — были эти стеклянные гробы.

В них находились разные люди.

Мужчины, женщины, но больше всего — дети.

Младше него, старше — десятки.

— Папа? — голос Ардена предательски дрогнул. — Что это?

— Я показал их твоему брату, когда тот был еще жив. С того дня он помогал мне создавать новых. Его звали Ала-

стором, — Ксавьер встал перед Арденом, глядя на бледное, непонимающее лицо. Он слегка приподнял сына за подбородок. — У твоего старшего брата была другая мама. Вот она, — он махнул в сторону одной из стеклянных коробок.

Арден трясло, но он не понимал, почему.

Это же просто куклы.

Светловолосая женщина в голубом платье неподвижно стояла за стеклом.

— Его мама?..

— Да. А это твоя, — Ксавьер отошел в сторону, открыв вид на новый экспонат.

Темные волосы, то самое белое платье в кружевах, которое Арден помнил. Она ушла в нем в злополучный день...

— Мама! Мамочка, проснись! — Арден бросился к стеклу, замолотив по нему кулачками.

Родное лицо было застывшим. Словно она спала. Глаза закрытыми. Она выглядела грустной. Ей было больно?..

— Мама, мама, мама... — Арден царапал проклятую поверхность, но ничего не выходило. — Выпусти мою маму! — закричал он Ксавьеру.

Отец не казался ни напуганным, ни растерянным.

Он совершенно спокойно смотрел на мальчика.

Арден сморгнул слезы. Его сердце болело так сильно, что на миг показалось, что оно вот-вот остановится.

— Пожалуйста, папа. Я умоляю тебя, пожалуйста! — он упал на колени перед ним, маленькое тело тряслось от

нескончаемых рыданий.

Арден пытался вдохнуть, но не мог. Громкие всхлипы один за другим лишали его воздуха. Мальчик схватился за шею, захлебываясь в слезах.

— Теперь мама может быть с тобой вечно. Она не исчезнет. Не сможет убежать. Разве это не хорошо, сынок? — Ксавьер сел перед ним на корточки. — Посмотри на меня.

— Па-па, о...на н...не про-сыы-пается, — выдавил Арден сквозь рыдания. — Поч...ему он...а не прос...с...сыпается?! — ребенок забился в его руках.

Ни один мускул на лице Ксавьера не дрогнул. Папа смотрел на него, как на зверька. Который вел себя необычно.

Не так, как нужно было ему.

— Прошу, открой это... Прошу, папа...

Арден не знал, что означает, когда люди перестают дышать. Не двигаются. Он наивно думал, что мама спит.

И отчаянно желал ее разбудить.

Надеялся, что когда папа откроет эту стеклянную коробку, мама улыбнется, обнимет его и скажет, как скучала.

— Маме же там трудно... Я хочу ее коснуться... Я должен ее разбудить... — повторял малыш бессвязно, пытаясь разбить стекло руками.

Ничего не выходило. Слишком крепкое.

Мама всегда будила его по утрам. Обычно она готовила блинчики, и от нее привычно пахло выпечкой.

Мамочка приходила в его спальню, садилась на краешек

постели и целовала в лоб, мягко упрашивая проснуться:

— *Вставай, соня. Пора завтракать.*

— Вставай, соня... — повторил Арден ее слова. — Мама, я больше не буду есть сладкое на ночь. Только проснись... Обещаю, я хорошо буду себя вести, мамочка...

Ксавьер достал ключ, сунул его в крошечную скважину.

Стекло со скрежетом открылось.

Арден сразу бросился к маме.

Уткнулся лицом в ее живот. Но она не отреагировала.

— Мамочка... — странно пахло.

Чем-то резким. Не так, как привычно.

Удушливо. Арден закашлялся, но не отпрянул.

Все равно на запах. Главное, что мама была тут.

Но почему она не просыпалась?..

— Мамочка, открой глаза... Я люблю тебя, — дрожащим голосом умолял Арден. — Мам, вставай. Я покажу тебе мое лого. Пожалуйста, мамочка, *пожалуйста*.

Но ничего не вышло.

Последняя надежда оборвалась.

Ксавьер усмехнулся.

— Она не здесь.

— А где, папа? — невинно спросил малыш. — Ей очень больно? Я не хочу, чтобы моей мамочке было больно...

— Когда люди взрослеют, сын, они умирают.

— Что это значит?

— Они бесследно исчезают. Больше не могут разговари-

вать, обнимать кого-то. Дышать. Они перестают существовать.

«Как мама?» — хотел горько спросить, но не стал.

Ардену не нравился папа. Не нравилось, что мужчина не расстроился. Что он что-то сделал с мамой.

Внутри него все сопротивлялось.

Внезапно захотелось убежать, но ноги ослабли. Малыш только и мог, что стоять и слушать отца.

— А если их держать за стеклом, то они никогда не умрут. Красивые, да?

Сердце Ардена разрывалось на кусочки.

Ему было больно видеть всех этих детей кругом.

Хотелось их растормошить, разбудить.

Неужели они тоже уснули навечно, как мама?..

— Теперь ты мне будешь помогать.

— Как?

— Сначала они живые. Как ты или я. Но потом становятся такими — превращаются в бессмертное искусство, — Ксавьер махнул рукой на сотни стеклянных витрин. — Это значит убивать.

«Убивать плохое слово. Так делали монстры в книгах, которые мне читала мамочка. Я не хочу убивать».

— Не буду, — бросил Арден, нахмурившись.

— Что ты сказал? — обманчиво спокойным тоном переспросил мистер Х.

— Я. Не. Буду. Убивать, — стиснул зубы мальчик.

Что-то темное скрутило его внутренности. Захотелось ударить отца.

За то, что убил его маму.

За то, что убил их всех.

Что бы это слово ни значило...

— Думаешь, у тебя есть выбор? — рассмеялся мужчина.

Послышался скулеж и шум на лестнице.

Ксавьер вскинул голову, как коршун.

Арден сжался.

«Только не Рекс... Не иди сюда... Не надо...»

Но песик тут же бросился к ногам мальчика. Он еще не знал — прямо здесь и сейчас определилась их судьба.

Ксавьер наклонился, хватая беззащитную собаку.

— Нет! Папа! Отпусти его! — Арден метнулся к мужчине, чтобы спасти своего друга.

— Я превращу его в такой же экспонат.

— Нет-нет-нет! — закричал мальчик, вцепившись в рукав его рубашки, пытаясь освободить щенка.

— Хотя... Знаешь, как я лучше поступлю? — Ксавьер запрокинул голову, смеясь. Это был придушенный, как карканье ворона, звук. Неприятный. — Раз ты выбрал собаку... То теперь сам станешь собакой. С этого дня ты будешь жить в конуре. На улице. Ночевка в подвале с трупами. Есть будешь с земли или миски. И ходить только на четвереньках.

Тошнота подкатила к горлу, но Арден мог только тяжело дышать, молясь, чтобы отец пощадил собаку. Его больше

ничего не волновало.

— Любое нарушение, и я этого пса убью. Будет много крови. Я его замучаю, — пригрозил он.

Но и без этого мальчик закивал, как игрушечный болванчик. Его голова безвольно болталась.

— Да, папа, я все сделаю, только отпусти Рекса... Пожа-луйста... Я все сделаю, клянусь... — он протянул руки к псу, и Ксавьер, наконец, выпустил животное.

Волна облегчения наполнила грудь Ардена.

«Ничего, если я буду спать в конуре. Или есть грязную еду. Главное, Рекс будет со мной... Я его защищу...» — он уткнулся в оранжевую мягкую шерстку, обнимая дрожащего пса.

— Тшшш, я тут, — прошептал тихо Арден, поглаживая его по спине.

Отец свою угрозу исполнил в тот же день. Воспользовался слабостью сына.

Мальчик поселился в тесной конуре.

Он больше не мог играть в свои любимые поезда, не мог собирать лего, не мог читать книги, как его научила мама, не мог рисовать...

Все, во что превратился мир Ардена — собачья будка.

Отец отгородил ее от особняка высокими стенами. Пространство было оторвано от мира.

Малыш нашел палку и выводил на земле слова.

Писал, чтобы не забыть буквы. Придумывал истории в го-

лове, уходя в другую реальность.

И, конечно, бросал палку Рексу.

Учил командам. «Сидеть», «ко мне», «лежать» — песик был очень сообразительным, схватывая все на лету.

Игра с другом была единственной его радостью.

Он кормил его той же едой, что ему выдавали — всегда ровно пополам.

Арден голодал, он представлял собой страшное зрелище — костлявый, грязный, с отросшими волосами, передвигающийся на четвереньках.

Дважды в неделю Ксавьер его навещал — это были самые ненавидимые дни.

— К ноге, — звал мучитель непререкаемым тоном.

Бросал кусок хлеба.

Арден послушно полз на четвереньках.

Помнил про правила — непослушание грозило отнять у него самое драгоценное — Рекса.

— Скоро у тебя появятся друзья.

— Живые? — голос мальчика был скрипучим, как несмазанные петли двери.

От пыток?

От жажды?..

Он и сам уже не знал.

Мужчина не спешил отвечать на вопрос ребенка. Он долго молчал, прежде чем наклониться и погладить его по голове.

Арден вздрогнул, как от удара.

— С мертвыми тебе уже скучно, да?

Мальчик зажмурился, словно пытался избавиться от страшных воспоминаний, от его мерзкого голоса, от себя самого. Но не мог.

«Пожалуйста, пожалуйста, пусть меня спасут...»

Он давно перестал верить в чудо, но надежда каждый раз, словно червивое, отравленное яблоко, копошилась внутри.

И от этого было лишь больнее.

Лучше бы он смирился.

Лучше бы принял свою участь.

Тогда было бы гораздо проще.

Но мальчик все равно мечтал о свободе.

Единственным светом в его жизни, кроме Рекса, были ночи в подвале.

В жутком месте с безмолвными телами за стеклом.

Арден не боялся их.

Он выучил имена каждого.

Разговаривал с ними.

Представлял, как они смеются над его шутками, какие у них голоса или какого цвета глаза были, прежде чем их тела превратились в безмолвные изваяния.

Мальчик считал «кукол» своими друзьями. Он верил в то, что они слышат их.

«Я не боюсь привидений. Я боюсь живых монстров».

Таких, как отец.

Иногда пол подвала был залит кровью. Арден не видел, как именно он превращает людей в кукол, но что-то ему подсказывало: процесс отвратительный.

Он старался об этом не думать. Только сердце разрывалось каждый раз, когда в подвале появлялся новый стеклянный гроб...

Мальчик проводил пальцами по стеклу и шептал:

— Прости... Прости... Мне так жаль, что он такое с тобой сделал...

После того, как Арден здоровался и общался с каждым за стеклом, то неизменно подходил к главному.

К маме.

Она все еще стояла там.

Даже после смерти спасая его рассудок от разрушения.

И Арден прижимался лбом к стеклу, закрывая глаза. Гладил холодную поверхность.

— Мамочка... Я люблю тебя... — слезы текли по его грязным щекам. — Я не стану монстром. Обещаю тебе.

Словно чувствуя его боль, Рекс лег на передние лапы, слегка поскуливая. Арден опустился на пол, обнимая собаку.

Поджав уши, пес разделял с ним печаль. Как и всякий раз.

— Все хорошо, я не плачу больше, дружок, — мальчик вытер покрасневшие глаза, и Рекс ткнулся в маленькую ладонь мокрым носом, а потом и вовсе запрыгнул на него, облизывая щеки, стараясь развеселить.

Арден хихикнул.

— Все-все, я сдаюсь, — он улыбнулся, прижав к себе собачку, засыпая.

А утром его выводили из подвала в будку.

«Интересно, что за воротами? Интересно, там есть красивые места, как в сказках, которые читала мне мама?..»

Некоторые он уже стал забывать...

Еду Ардену обычно приносили работники. Бросали через стену. Прямо на землю. Вместе с бутылкой воды.

Он часто болел. У мальчика сводило живот, болели зубы. В холодные дни он не выходил из будки, скрутившись калачиком. Рекс его всегда грел своим пушистым телом.

Так прошли целых два года.

Ему было шесть, когда случилось то, что Арден не сможет забыть никогда...

Очередная ночь.

Он лежал под стеклянной «коробкой» мамы. Спал, как и предыдущие семьсот тридцать дней.

Но той ночью ему приснился особенный сон.

Не кошмар, где отец заносил нож над людьми и бил в горло. Арден не знал, откуда в голове возникали эти картины...

Только вот на этот раз вместо ада приснилась мама.

Арден встрепенулся и бросился навстречу фигуре в белом.

Мама была такой красивой, не как за стеклом.

Она... выглядела живой. Лишь бесконечно печальной.

— Мой Арден, как я по тебе скучала, — мальчик с разбегу

влетел в ее объятия. — Ты так вырос, моя жизнь. Все еще свет, знаешь? Ты весь сияешь. Внутри.

— Мамочка, — Арден спрятал лицо на ее шее, вдыхая запах жасмина и кленового сиропа. — Ты очень страдала? Тебе сейчас больно?

— Нет, малыш, больше не больно, — она привычно поцеловала его в лоб и обхватила лицо сына руками, вытирая слезы с худого лица. — Я сейчас рядом с ангелами. Все хорошо. Но я пришла не за тем.

— А за чем же? Только не бросай меня...

— Арден, я сейчас скажу тебе очень важную вещь. Ты должен меня внимательно выслушать, — оливковые глаза Мередит наполнились решимостью. — Прошу тебя, малыш. Я пришла, чтобы спасти тебя. Вытащить из этого места.

— Как, мама? — грустно спросил мальчик. — Разве есть выход из будки или этого подвала?

— Есть. Потайной ход. Я тебе его покажу, — мама щелкнула пальцами и окружающие их облака превратились в ненавистную комнату. Она прошла к самой дальней стене и начала сдвигать камни. — Ты должен поворачивать камни по диагонали. Потом три по вертикали. И восемь по горизонтали. Тогда в стене появится проем. И ты сможешь выйти.

Мама заставила его повторить фразу раз двадцать, пока он не выучил наизусть инструкцию.

— Сейчас ты проснешься, малыш. Мое время истекло. Не жди — делай так, как я сказала. Больше к тебе приходить я

не смогу — это наш последний шанс. Освободись, мой свет. Я очень тебя люблю, всегда помни это, — она поцеловала малыша в щеку и улыбнулась.

Ярко, не подавленно.

Казалось, мама вся сейчас вот-вот взлетит.

— Мам, не уходи, мамочка, побудь со мной еще...

— Нет, Арден. Пора, — она толкнула сына в спину. Бросая с обрыва.

— НЕТ! — закричал мальчик, пробуждаясь.

Мама все еще была за стеклом. В подвале тихо.

Он ясно помнил каждую деталь из сна. И решил действовать.

Разбудил Рекса и прижал указательный палец ко рту, призывая не привлекать внимания.

Пес был умным. Он бесшумно последовал за хозяином, слегка прихрамывая.

Арден стал поворачивать камни, даже если это все казалось ему абсурдом.

Он не мог проигнорировать слова мамы. Даже из сна.

Когда мальчик перевернул последний — что-то щелкнуло.

Проход. Там действительно был проход.

Сердце Ардена заколотилось, словно сумасшедшее.

— Спасибо, мам, — прошептал он одними губами и, прижав к груди собаку, стал пробираться.

Свобода.

Прохладный воздух ударил в лицо.

Арден бросился бежать сразу, как оказался на улице.

Ноги были слабыми, он — истощенным в край, но мальчик знал: это его единственный шанс. Последний, как мама сказала.

Нельзя было его упускать.

Надо бежать. Просто бежать.

Арден был рад тому, что играл роль пса только перед Ксавьером. По крайней мере, он не растерял рассудок и мог ходить. Даже бегать на своих двух.

Рекс ослаб — Арден теперь всегда его носил на руках. Он почти ничего не ел сам и кормил собаку своей порцией — это помогало. Пес отказывался «красть» всю его еду и упрямо тявкал на хозяина, но Арден не успокаивался, пока не кормил его досыта. И не поил водой.

«За последнюю неделю Рекс набрался сил. Выглядит лучше, чем в том месяце...»

Но он все равно пока боялся слишком нагружать пса. Ребенок слишком сильно его любил, чтобы подвергнуть риску.

Хоть тяжелый вес на руках и замедлял его собственный бег, Арден крепко держал своего друга.

Босые ноги очень быстро стерлись в кровь.

Камни, осколки резали кожу.

— *Беги, беги, моя жизнь, беги...* — звучал в голове голос мамы.

И он бежал.

Было мучительно трудно нести пса, но Арден не допускал и мысли отпустить Рекса.

Ни за что.

Собака доверчиво жалась к нему.

Ноги кровоточили, но мальчик продолжал мчаться — он вырвался на большую дорогу, оставляя особняк далеко позади...

Цепкая рука монстра сжала его плечо.

Ксавьер стоял прямо за ним.

— Думал сбежать? Глупый уболюдок.

Сердце Ардена рухнуло.

Нет. Ничего не закончится.

Он его нашел...

Хотелось плакать, кричать от несправедливости.

— Сегодня ты сдохнешь. Ты подписал себе смертный приговор, — отец схватил его за волосы и потащил обратно.

И в этот момент...

Рекс вцепился мужчине в ногу, пытаясь защитить Ардена.

Хотел задержать. Дать фору хозяину убежать.

Это была прекрасная возможность.

Но Арден не смог.

Не смог бросить своего друга.

— Рекс, нет! Не надо! Ко мне! — крикнул он на пса.

Тот не послушался.

Ксавьер прошипел от боли.

Ярость исказила его лицо.

Нет, нет, нет...

Арден вскинулся, чтобы забрать собаку, но мужчина оказался первее.

— Нет, пожалуйста, он просто хотел меня защитить! Рекс не хотел причинять тебе боль, папа, пожалуйста...

— Ты собака. Кто тебе, блядь, давал право ходить?! — он пнул Ардена, острое колено врезалось в его живот, выбивая воздух из легких.

Когда Ксавьер достаточно выместил на нем свой гнев, то потащил домой.

И его, и собаку.

Вой Рекса стоял в ушах Ардена.

Его сильно тошнило. Голова кружилась.

Отец приволок их обоих в гостиную. Даже не потрудился спрятать.

Особняк пустовал. Арден не знал, где охрана или работники.

Поморщился от яркого освещения. Тело пылало, как в лихорадочном огне. Каждый дюйм его кожи был покрыт синяками. Перед глазами двоилось.

Ребенок поморгал, в панике бегая глазами по комнате, пока не увидел Рекса.

Пес неподвижно лежал на полу.

— Рекс... — позвал его Арден.

Собака поползла к нему.

Мальчик стиснул зубы, сдерживая крик. Не хотел злить

Ксавьера, потому что тот пообещал ему выбить зубы, когда Арден кричал во время побоев последний час.

Но видеть Рекса в таком состоянии было невыносимо.

Больнее всего.

Он сломал ему лапы, и псу нужна была срочно помощь.

Арден потянулся к другу, но ему помешали.

Ксавьер навис над ним, толкнув на диван.

В руках отец держал нитку и толстую иголку. Медленно вдел через ушко.

— Ты так громко кричал. Но теперь замолчишь, да?

Арден прошипел от острой боли, когда кожу вокруг уголка губ пронзила игла.

Страх и ужас накрыли его с головой.

Не говорить... Не дышать ртом...

Отец зашивал ему рот на живую.

Арден был настолько слаб, что сопротивляться не мог.

Он только мычал, задыхаясь от жгучего покалывания — игла проходила насквозь через слизистую. Сменяясь раздражающим, тянущим чувством — когда нить натягивалась, словно рвала кожу изнутри. Хотелось вопить — лицо пульсировало, боль расплзалась по всему избитому телу.

Шок отключил его сознание — тело больше не могло выносить пыток.

Когда мальчик очнулся, то кошмар никуда не делся.

Кровь стекала по подбородку.

Он коснулся рта пальцами. Попытался произнести что-то.

Глухо. Не получилось.

Паника сдавила грудь.

Арден попробовал снова — никакого звука, кроме измученного мычания.

Ксавьер удовлетворенно смотрел на его страдания.

— А теперь финал.

Рекс все еще был жив. Лежал у маленького столика.

Он слабо завилял хвостом, заметив, как Арден очнулся.

Мальчик хотел его успокоить, сказать, что все в порядке...

Ксавьер поднял собаку.

«Не причиняй боль моему лучшему другу...» — умолял мысленно Арден, отчаянно глядя на отца полными слез глазами.

Удар. Сильный. Послышался жалобный скулеж.

— Я убиваю его из-за тебя. Потому что ты сбежал. Он умирает, потому что хозяин его предал. Ты нарушил правила. Ты не заслуживаешь голоса.

«Нет. Я не предавал Рекса! Я хотел спасти нас обоих...»

— Может, пощадить его?

Арден закивал, дрожа всем телом. Надеюсь, что он даст шанс...

Всего лишь жестокая шутка.

Удар. Удар. Удар. Удар. Удар.

Он хотел кричать, но у него не получалось.

Даже мычания. Даже стоны. Даже вздоха. Ничего не выходило.

Молчание.

Мальчик просто смотрел, как Рекса убивают на его глазах.

Тело парализовало.

Удар. Удар. Удар. Удар. Удар. Удар.

Собака больше не скулила. Она затихла.

Кровь. Много крови.

Красная кровь. Запах железа. Кровь растеклась по всей гостиной.

Арден хотел спрятаться. Хотел закрыть глаза.

Удар. Удар. Удар. Удар. Удар. Удар.

Отец делал это медленно. Мучительно.

«Не трогай его».

Ломая каждую кость в измученном теле.

«Оставь его в покое».

А потом разбивая голову Рекса об ножку стола.

«Хватит. Хватит. Хватит. Хватит...»

Когда он выпустил собаку на пол, она едва дышала.

Обычно Рекс всегда облизывал его руку...

Арден протянул дрожащие пальцы к его голове. Пес посмотрел на него. В последний раз. Доверчиво прижался к маленькой ладошке. И перестал дышать.

«Прости, прости меня, прости, прости, прости, прости, прости, прости...» — билось в висках раз за разом.

А потом все погасло.

Черный туман возник перед глазами мальчика.

Вспышка.

Такая мощная, что, казалось, он вышел из своего тела. Потерял контроль. Все поглотила разрушительная тьма.

Очнулся Арден уже на улице.

А особняк горел. Дотла.

Языки пламени пожирали пристанище ада.

Тело Ксавьера горело внутри.

С раздробленным черепом.

Арден ничего не помнил.

Он лежал на земле, беспомощно прижимая к груди окровавленного Рекса. Сил двигаться не было.

Заплаканные глаза закрылись.

В следующий раз малыш проснулся от чужих, незнакомых голосов.

Машина. Его куда-то везли.

— Он не выпускает труп собаки...

— А вы пытались отобрать?

— Да, но его показатели падают. Лучше не рисковать, пока не доедем до больницы.

— А что с людьми в особняке?

— Логово маньяка.

— Бедный ребенок...

Голоса то усиливались, то затихали.

— Его тело к моменту прибытия почти полностью сгорело.

— Поделом.

— Да. Нам лучше думать о мальчике.

— Сначала надо снять швы...

В приюте он провел полтора года. Дети не любили Ардена. Дразнили за то, что немой.

«Я хочу с ними дружить, но они обзываются...»

С ним наотрез отказывались играть, считая пугающим, а то, что мальчик ходил во сне, только подливало масла в огонь.

Они перешептывались между собой, говоря о том, что Арден сумасшедший. Мол, психопат, как и его отец.

— *Он такой странный.*

— *Не хочу с ним играть.*

— *Переселите меня в другую комнату.*

— *А вдруг этот псих убьет нас ночью?*

— *Ага, когда лунатит. Жуть.*

— *Я боюсь его.*

— *Не подходи к нам.*

Он лишился голоса в день, когда убили Рекса.

Мальчик до сих пор сильно тосковал по нему. Рисовал собаку в альбоме, чтобы не забыть, как выглядел лучший друг до того, как его отняли у него.

«Мне так тебя не хватает...» — Арден вытер глаза. «Я потерял последнее, что связывало меня с мамой...»

Они все знали, что с ним что-то не так.

Однажды на прогулке, во дворе, Арден споткнулся и упал. Разбивая колени. Когда медсестра пришла, то в ужасе засты-

ла на месте.

Он разодрал всю кожу, выводя что-то своей кровью на земле.

УМРИТЕ.

УМРИТЕ.

УМРИТЕ.

И смеялся. Беззвучно, запрокинув голову назад.

Все его руки были в крови. Она стекала по разбитым коленкам, но шестилетний мальчик только смеялся, глядя им в глаза. До безобразия красивый, похожий на падшего ангела. В их глазах он был омерзительным чудовищем.

Они видели, как Арден шептал что-то сам себе, не давая отчета. Как его губы шевелились, а лицо наполнялось такой ненавистью, что взрослым становилось не по себе.

Они видели рисунки Ардена. Кроме собаки там часто были силуэты. Он рисовал медсестру, воспитательниц, некоторых детей.

Не безобидные картины. Нет. Изображал их без рта и глаз.

Некоторых — без ног, рук или головы.

Когда медсестра, ткнув в свой обезображенный портрет, спросила «что это значит», мальчик просто написал ответ в альбоме.

«Я хочу выколоть тебе глаза, потому что меня бесит твой взгляд. Ты не достойна этих глаз».

«А эта тетя не заслуживает ног, потому что мне не нравится, когда она рядом. Лучше их отрезать. Ей и ползком

будет хорошо».

«Зачем Джеймсу голова, если его мысли меня раздражают?»

Одна из новых воспитателей обучила Ардена жестовому языку.

Когда он попал к Уилсонам, новые родители не утрудили себя изучением ASL. Они просто читали его ответы на бумаге или телефоне, который купили сыну.

Теперь он жил в большом доме. Почти таком же, каким был старый. Арден очень скоро убедился в том, что новая семья совсем не добрая.

За три года, которые он провел с ними...

Эти люди каждую неделю привязывали Ардена к кровати и шептали странные заклинания над ним. Иногда — засыпали землей. В другой раз — доставали нож и резали кожу. В основном грудную клетку. Говорили что-то про изгнание дьявола. Обряд экзорцизма. Когда это не помогало, они изрезали его руки, ноги, шею. Не слишком глубоко. Но шрамы все равно появлялись.

А еще они надевали черные мантии по ночам и каждую субботу приводили домой кучу таких же людей. Рисовали странные знаки на полу.

Арден запирался в своей спальне и старался вести себя бесшумно во время их сборищ.

— *Иди ко мне*, — показал он черному скорпиону.

Сунул руку в террариум, и хищное животное проворно

перелезло на раскрытую ладонь.

Арден приучил его к рукам с рождения.

Единственное, за что он терпел родителей, был этот кроха.

В один день они подошли к мальчику и спросили, хотел бы ли он завести себе новое животное. Получив положительный ответ, отвезли в зоомагазин. Эксперимента ради или зачем — мальчик не знал, но остановился на скорпионе.

Экзотический. Молчаливый. Как и он сам.

Ему нравилось, каким изящным и одновременно опасным казалось это создание. Величественным.

Арден выбрал детеныша, чтобы самому вырастить его. Взрослые особи не особо-то и любили, когда их трогали.

Прочитал кучу книг, как правильно за ними ухаживать, прежде чем определился с окончательным выбором.

— *Сет*, — Арден мягко погладил его по блестящему панцирю, когда накормил. — *Ты у меня такой хороший. Самый лучший среди всех твоих сородичей.*

Словно поняв похвалу, скорпион гордо переполз с одной ладони хозяина на вторую, щекоча кожу своими цепкими, когтистыми лапками.

Мальчик слегка улыбнулся.

Принцесса. Она, наконец-то, вернулась!

Волнение захлестнуло Ардена, который до сих пор топтался у ворот, с нетерпением ожидая ее приезда.

В глубине души мальчик очень тревожился — вдруг она

убежит? Вдруг заметит, что он чудовище? Вдруг...

— Арден! — недолго раздумывая, Нильде бросилась к нему, улыбаясь так ярко, что в груди мальчика что-то заныло. — Я тебя ждала! Но ты не приходил, — упрекнула она следом, надувшись.

«Нет, нет, нет, нет... Я ее расстроил... Теперь она обидится и больше не захочет меня видеть...»

Внутри закопошился тошнотворный страх.

Мальчик достал телефон, быстро печатая в заметках. Пальцы дрожали, плохо попадая по клавиатуре.

«Прости. Я уезжал».

— О... Ты был в гостях?

Он кивнул, глядя ей прямо в глаза. Девочка не шелохнулась, внимательно разглядывала каждую черточку его лица в ответ.

Прямой нос, безмолвный рот, темные, растрепанные после бега волосы. Арден выдохнул, радуясь тому, что надел черную толстовку с длинным рукавом. Так все его раны и синяки были скрыты от ее глаз.

Он не мог позволить куколке увидеть такое.

Это было грязно, некрасиво.

Не хотел ее замарать своей болью.

Что еще хуже — Нильде могла испугаться. Счесть их отвратительными. Его — отвратительным.

Или же расстроиться, грустить...

Этого Арден тоже допустить не мог.

Он возненавидел слезы девочки в тот же вечер, когда впервые ее встретил. Когда Нильде обижали, таскали по земле...

Ярость вспыхнула внутри от одного воспоминания. Арден после нашел каждого. И заставил заплатить сполна.

Только ей об этом было знать необязательно.

— Я тоже часто езжу в гости! К дедушке, он у меня самый лучший, — она улыбнулась щербатой улыбкой.

Ардену хотелось сохранить это выражение на ее лице навечно.

Ямочки на щеках, свет в доверчивых глазах. Он грел его самого...

— Господи, тебя нельзя и на минуту одну оставить! — послышался ворчливый голос.

Арден напрягся.

Скорпион Хеймонд. Один из тех, с кем он был связан.

Душа компании, вечно крутился с кучей своих припевал, которые заглядывали ему в рот и выполняли все прихоти золотого мальчика.

Арден был одиночкой. Соседний стул всегда пустовал, куда бы он ни сел. Никто не хотел садиться рядом, словно место было проклято. Или он был заразным. Другие богатенькие дети из элитной школы определенно боялись подхватить безумие.

«Мне и здесь не рады».

Они дразнились. И Арден бил. Почти каждый день вя-

зывался в драки.

Но в прошлом году насмешки прекратились.

Отношение всех к нему резко поменялось. Появился трепет, священный страх.

Потому что Грейсон сбросил одноклассника с лестницы.

Было так много крови.

Целый океан.

Весь пол, ступени лестницы...

Он спокойно смотрел, как глупый мальчишка утопал в ней.

Наверное, именно тогда все действительно поняли глубину его испорченности. То, насколько он был опасен.

«Тупицы. Я даже и близко не показал, на что способен».

Арден не испытывал угрызений совести или вины. Он считал, что поступил так, как придурок заслуживал. Справедливо.

«Сам виноват. Не нужно было открывать свой поганый рот».

К своим десяти годам Арден прослыл максимально проблемным ребенком. Не просто задирой. Тогда-то он и пересекся со своими новыми знакомыми — Скорпионом и Туманом. Арден не мог назвать их пока друзьями, но эти двое, по крайней мере, не вызывали в нем желание разбить их голову об асфальт, как остальные.

Окружающие (в том числе учителя) называли его Брутом с первого дня в школе. Никто понятия не имел о настоящем

имени. Мальчик сам так захотел. Влиятельные родители позаботились о его прихоти за очередное кровопускание.

«Они всегда лезут первые...»

Арден не мог себя контролировать, вымещая накопленный гнев на обидчиках.

Когда он дрался... Ему хотелось выбить из них все дерьмо, но из-за этого обряды стали проводить чаще.

Замкнутый круг.

«Если я молчу, меня бьют в школе. Если я защищаюсь — мне тоже делают больно. Только уже дома... Почему меня все бьют? Почему меня все ненавидят?..»

— Что ты делаешь, Лучик?! — Скорпион хотел встать перед Нильде, инстинктивно защищая от Брута, но та внезапно повисла на мрачном мальчике.

— Ты нашел мою шляпку! Спасибо!

Тело его окаменело. Брут замер, потрясенный до глубины израненной души. Но это было не отторжение. Объятие... Не мог вспомнить, когда его в последний раз обнимали.

«Она меня не боится. Куколка до меня дотронулась».

Щеки Ардена запылали.

Скорпион испытал вспышку ужаса, не зная, как отреагирует Брут на такое — он никого не подпускал к себе. Даже приемных родителей.

Но, к его удивлению, тот не оттолкнул, не отшвырнул от себя девочку, как непременно поступил бы с любым другим человеком.

Напротив.

Опустил ладонь на макушку Нильде, ласково потрепал ее по рыжим волосам.

— Лучик... — прочистил горло Хеймонд. Он не знал, чего ожидать от Брута. Что угодно могло змеиться в его темном разуме.

— Это Арден! — радостно представила она мальчика.

Скорпион недоуменно нахмурился и поспешил ее исправить:

— Ты, наверное, спутала Брута с кем-то. Идем лучше домой.

Арден стиснул зубы.

Его выбесило, что придурок положил руку на плечо куколки. Хотел ее увести, в то время как Арден целую неделю мечтал ее снова увидеть, услышать голос...

«Беру слова про асфальт обратно. С удовольствием бы посмотрел на его вскрытый череп. Интересно, принцесса испугается, если я брошу в него кирпич?»

Он сжал руки в кулаки, заставляя себя сохранять спокойствие.

Нельзя ее пугать.

Но проблема решилась сама. Нильде отбросила ладонь Скорпиона, нахмурившись. Она вовсе не собиралась уходить домой.

«Молодец», — мысленно похвалил ее Арден.

— Нет. Это мой супергерой, — заявила важно девочка.

— Он самый крутой в мире. И самый храбрый! И красивый, как эльф, — она хихикнула, слегка покраснев.

Арден смутился.

— *Спасибо, куколка*, — показал он сбивчиво на языке жестов.

Растерялся в моменте, забыл, что ей нужно все на телефоне писать, а не руками показывать.

«Глупо. Никто все равно не знает этот язык».

— Что это значит? — девочка с любопытством посмотрела на Скорпиона. Мальчик знал ASL. Он общался на нем иногда с Туманом.

— Он зовет тебя куколкой, — пояснил Скорп ошеломленно. — Откуда ты знаешь Нильде?

Брут не ответил.

— Ух ты! — глаза девочки восхищенно зажглись. — Научи меня языку эльфа! Я хочу с ним разговаривать! — потребовала она у Скорпиона.

Что-то перевернулось в груди Брута.

Это был первый человек, который захотел научиться «его» языку. А не пытался переучить Ардена, как делали остальные.

Первый человек, кто искренне проявил к нему доброту и интерес...

Внутри стало тепло. Удивительно тепло.

Он и не знал, что существует что-то, кроме равнодушия и жестокости...

«Я сам тебя научу», — прочитала Нильде на экране телефона.

Арден слегка наклонил голову набок, ожидая ее ответа.

— Правда? — синие глаза девочки расширились.

Он терпеливо кивнул.

— Тогда я буду знать эльфийский, — обрадовалась Нильде. — И у нас будет свой секретный язык. Волшебный!

— *Дефектный.*

— *Бесполезный.*

— *Станный.*

— *Он не умеет разговаривать.*

...Волшебный. Эльфийский. Свой секретный язык.

Сердце Брута заколотилось.

Она не считала его странным. Монстром.

Впервые за очень долгое время мальчик ощутил... надежду.

— Поиграешь со мной?

Он позволил маленьким пальчикам переплестись с его холодными.

И утянуть за собой в сад за воротами...

— Догони меня, Арден!

Глава 3

Нильде — 8, Ардену — 11 лет.

Девочка хихикнула, бегая по садовому лабиринту.

Она знала, что он поддается, потому что они уже год играли в эту игру — Арден давным-давно выучил все пути и лазейки, но намеренно давал ей фору.

Нильде юркнула за поворот и тут же взвизгнула, врезавшись в него.

— Слишком быстро, и это при том, что ты поддавался, — надулась девочка.

Арден лишь усмехнулся и кивнул в сторону дома.

Ей грело сердце, что он уже не боялся заходить внутрь. Год назад мальчик наотрез отказался бы и умчался прочь.

Он не был высокомерным или гордым...

Скорее недоверчивым, осторожным. Будто опасался, что ее родители причинят ему боль.

Нильде медленно помогала ему привыкнуть к своей семье.

На это ушли месяцы, но когда Арден убедился, что бить его, кричать или обзывать никто не собирается, то успокоился.

Мальчик был потрясен.

Важное открытие: не все люди мудаки, как его семья.

Йохансены были другими.

В глубине души Арден мечтал, чтобы те забрали его. Хотел стать их сыном.

Они выучили ради него ASL, позволяли играть в их доме, быть с Нильде, брали гулять в парк, добившись позволения его родителей. И самое главное — никогда не причиняли мальчику боль.

Арден ожидал подвоха — он не привык, чтобы делали что-то даром. Уилсоны всегда требовали взамен — лечь под нож, дать провести над собой опыт, искалечить.

Но они...

Йохансены просто давали. Без платы. Искренне.

Первое время его это настораживало, пугало.

А потом Арден и сам не заметил, как с нетерпением стал ждать каждой новой встречи с ними.

Эви готовила ему оладьи с кленовым сиропом. Это напоминало маму. Арден помнил, что от нее всегда пахло выпечкой...

К мужчинам мальчик относился враждебно, но дядя Дамиан... Он называл его героем, научил играть в шахматы и пообещал купить потом мотоцикл.

Дядя Дамиан также нашел ему психотерапевта, уговорил приемную семью позволить мальчику посещать сессии со специалистом. Те неохотно согласились. Только потому, что не могли отказаться. В руках Дамиана Йохансена было слишком много власти. Никто, обладающий хоть толикой рассудка, не перешел бы дорогу клану Каstellо. Он мог уничто-

жить их одним щелчком пальцев.

Если бы Арден только рассказал правду о пытках... Если бы набрался смелости поделиться... Но он не мог.

Из-за куколки. Боялся ее потерять.

«Не хочу обратно в приют. Это далеко отсюда, за океаном... Если посадят Уилсонов, меня увезут от Нильде. Хочу быть рядом с ней... Я потерплю побои...»

Дамиан старался лично отводить его на сессии к психотерапевту, сидел за дверью, терпеливо ждал, а затем покупал Ардену клубничное мороженое с шоколадной крошкой. Его любимое.

«Я хочу, чтобы он был моим папой...» — мальчик грустно вздохнул.

Он знал, что это невозможно.

— О чем думаешь, герой? — мягко спросил Дамиан, сверкнув ямочками на щеках.

— *Да так, о всяких глупостях,* — смутился Арден. — *Психолог сказал, что у меня все может получиться. Ну, кроме совсем поломанного тут,* — мальчик потер затылок, опуская глаза. Словно стыдился... себя.

— Не говори так. Ты не сломанный, — твердо произнес Дамиан. — Я знаю, что сможешь, маленький борец. Ты сильный.

— *Спасибо, дядя Дами,* — он робко улыбнулся, когда мужчина потрепал его по темным волосам, ласково ероша их.

— Поехали домой? Нильде тебя заждалась. Ты ведь ее единственный друг.

— *Куколка тоже моя единственная.*

Дамиан кивнул, пристегивая ребенка. Он не сомневался в этом.

Мужчина вдавил ногу в педаль газа, плавно выруливая на повороте.

Нильде очень привязалась к мальчику, она целыми днями только о нем и говорила, с первой их встречи, когда тот ее спас.

Дамиан знал, кто он. Конечно, знал. Но его это не волновало. На горьком опыте убедился, что ошибки родителей не должны влиять на детей.

Мать Эви была серийной убийцей, расчленившей его отца, но вот они спустя годы — в крепком браке, с тремя детьми, счастливые до безумия.

Отец его лучшего друга — Марка Стайместа — был ма-
ньяком. Сделало ли это Марка плохим человеком? Ни за что. Дамиан доверял ему больше, чем себе.

Таких примеров в его жизни было сотни. Несправедливо относиться предвзято к маленькому Ардену только потому, что его отцом был мистер, мать его, Х.

Тот самый, из-за которого Эви была искалечена.

Тот самый ублюдок, который ранил Дамиана ножом.

Тот самый, который похитил Вильяма и Дэниела — истязал их месяцами.

Но главное, тот самый, который превратил жизнь Ардена в ад.

Дамиан ознакомился с его делом. Конечно, у Йохансена, с его связями, был доступ ко всем засекреченным архивам. И он узнал, что в сгоревшем особняке обнаружили склеп с мертвыми телами. Выяснил, что Арден прижимал к себе труп собаки. В каком ужасном состоянии было тело мальчика, все заключения медицинский экспертизы... Очевидно, убоженок годами мучал собственного ребенка, пытал его. Арден был жертвой, а не монстром, каким его видели окружающие.

Дамиан догадался, что ребенок убил Ксавьера.

Сам мальчик этого не знал. Даже не подозревал.

Йохансен не винил его.

«Клянусь, я бы и сам пустил Ксавьеру пулю в лоб. Так что охренеть как рад, что его же сын избавил мир от этой гнилой твари».

Дамиан лишь жалел, что в результате всего пострадал невинный Арден. Мужчина не хотел, чтобы ребенок нес на себе этот груз.

«Психолог поможет малышу».

Он надеялся, что еще не слишком поздно...

— *Дяди Дами,* — мальчик прервал его размышления.

— Что, герой?

— *Спасибо, что не ненавидишь меня,* — показал Арден.

Сердце Дамиана сжалось.

— Я никогда тебя не возненавижу, малыш.

— *Правда?*

— Честно-честно, — мужчина протянул ему мизинец, и

Арден сцепился с ним пальцем.

Он верил ему.

Арден никогда не играл с Кайденом или Николаем.

Если первый его игнорировал, вечно занятый съемками в фильмах или зависающий в компании своих друзей, второй откровенно ненавидел. Впрочем, Грейсона неодобрение Николая волновало мало, как и причины вражды.

Ему не нравилось общаться ни с кем, кроме Нильде.

Весь мир Ардена крутился вокруг этой девочки. Даже если бы придурок-Романов однажды протянул ему руку, он бы на нее лишь пренебрежительно плюнул.

«Давно бы прикончил, но принцесса расстроится».

Со Скорпионом и Туманом он пересекался в школе, но сближаться не хотелось. Зачем, если была куколка?

Только рядом с принцессой Арден ощущал себя живым. Таким, каким был до смерти Рекса и мамы.

Она словно воскрешала в нем самое лучшее. Жажда крови, которую Брут испытывал среди других, мгновенно утихла. Внутренние черберы поджимали уши, нетерпеливо ожидая, когда она погладит их. Утихомирит.

Рядом с Нильде он мог быть простым ребенком.

Не чувствовать себя странным, больным или безумным,

даже если был таковым.

Прямо сейчас мальчик крепко держал ладошку Нильде. Ему нравилось это ощущение.

Арден терпеть не мог, когда его трогали другие. Учителя в школе, одноклассники, приемные родители. Он с трудом выносил их прикосновения. Это всегда вызывало приступ раздражения. Но не куколка. Касаться ее было удивительно приятно.

Девочка послушно следовала за ним, придерживая свободной рукой подол пышного платья.

Была глубокая ночь, и он украл ее из дома, воспользовавшись тем, что сегодня в их особняке было шумно — какое-то суперважное мероприятие.

Арден не разбирался. Он побывал на стольких званных вечерах, что его уже тошнило от них.

Принцессе тоже не нравилось быть среди кучи незнакомых людей, поэтому мальчик просто-напросто схватил ее за руку и увел через тайный ход.

Конечно, скоро за ними придут, непременно отругают и уведут Нильде спать, но, прежде чем это произойдет, он хотел успеть показать ей кое-что важное.

— Куда мы идем? — с любопытством поинтересовалась девочка, пока Арден вел ее вперед, внимательно следя за тем, чтобы она не споткнулась и не поранилась.

Ночью в лесу было опасно. Арден предусмотрительно убирал ветки, прочищая для нее путь.

Она пригнулась, топая следом.

— Арден! — позвала, не дождавшись ответа.

Мальчик прижал указательный палец к губам.

— Что? — тише переспросила она.

«Всегда такая нетерпеливая».

Арден почувствовал, как ладонь в его руке слегка похолодела.

«Замерзла, маленькая...»

Он заботливо сунул их сплетенные руки в свой карман толстовки, согревая.

Нильде одарила его робкой, смущенной улыбкой. На ее щеках сверкнули ямочки. И на мгновение он просто выпал из реальности, даже, кажется, дыхание задержал.

«Как кто-то такой чистый, милый, хороший, как она, может держать за руку *меня*? Как она может улыбаться мне? Я же испорченный, оскверненный, бракованный...»

Она смотрела на него в ответ, почти удивленно, словно видела впервые. Но голубые глаза сверкали так же ярко, как в тот день, когда Арден спас ее от обидчиков. Смесью восхищения, обожания и интереса. Будто он был чем-то недостижимым и бесконечно красивым. Смотрела без капли отвращения. Она... любовалась им.

Щеки Ардена вспыхнули, и он поспешил отвести глаза.

— Ты точно эльф, у тебя даже уши красивые, — заявила куколка, и плечи мальчика слегка затряслись от смеха.

Она всегда говорила прямо, что думает. Не хитрила, не

льстила, не стеснялась. И он любил это в ней так же, как и все остальное.

Наконец, они вышли на тропинку.

Еще пара шагов, и мальчик подвел принцессу к ручью.

Арден показал:

— *Нам нужно спрятаться.*

— От кого? — нахмурилась Нильде.

— *Чтобы не напугать их. Просто доверься мне,* — мальчик лег прямо на землю.

Она кивнула и, не колеблясь, присоединилась к нему. Трава была мягкой и влажной после дождя. Платье точно испачкалось, но девочку это совсем не беспокоило.

Арден вскинул голову, на его лице застыло благоговейное выражение.

Она проследила за его взглядом.

Глаза Нильде расширились.

У воды, на влажных стеблях папоротников и сырой густой траве, сияли искры.

Светлячки.

Они вспыхивали в темноте, медленно летая между растениями.

Мерцающие крошечные огоньки вспыхивали то тут, то там. Их свет появлялся и гаснул среди темной зелени.

Нильде заворуженно наблюдала за прекрасной картиной, опустив подбородок на сложенные руки.

Над водой стоял туман, рассеивая свет мягкой дымкой.

Волшебно.

Маленькие светлячки быстро прятались в кружевной тени папоротников от любого шороха, поэтому Арден вел себя очень тихо.

Он обнаружил это место пару дней назад и сразу загорелся желанием поделиться с куколкой. Хотел, чтобы она тоже это увидела.

Девочка повернула голову в сторону Ардену, глядя на его профиль.

На лице мальчика отражался тот же восторг, что и на ее собственном. Он тоже был поглощен и бесповоротно очарован. Наблюдал за тем, как летят маленькие насекомые в темноте.

В черных глазах сияла вера в чудо, какая-то уязвимость, невинность, которые он не показывал никому.

Нильде не могла оторвать глаз от эльфа.

Арден все еще казался ей волшебным. Нереальным.

Хотелось коснуться его лица, чтобы убедиться — он здесь. Настоящий. Рядом с ней.

Девочка непроизвольно пододвинулась ближе. Так, что их локти соприкоснулись.

Арден удивленно моргнул. Он протянул руку, заправляя прядь ее рыжих волос за ухо. А Нильде задержала дыхание. Она не знала, почему голова вдруг закружилась от такого простого, знакомого жеста. Ее окутала волна теплоты, в животе запорхали бабочки.

— *Дай мне руку, куколка,* — показал Арден.

Осторожно повернул ладонь вверх, позволив ей положить пальцы в его. Один светлячок, смелее других, взлетел к белым маленьким цветам. Совсем близко к ним.

Мальчик ласково разжал ее пальцы. Не отнял свою руку, держа ее ладошку раскрытой в своей.

И крошечное насекомое вспорхнуло прямо туда.

Глаза Нильде ошеломленно распахнулись.

Это было похоже на чудо.

Казалось, время замерло.

Рука Ардена была теплой. А маленький огонек в ладони Нильде грел их обоих.

Светлячок не боялся. Словно знал — они его не обидят.

Лишь спустя долгое мгновение он вспорхнул обратно. К своим друзьям.

Нильде тихо рассмеялась.

— Это похоже все на сон, — ее глаза искрились такой радостью, что в груди мальчика защемило.

Это все стоило разодранных коленок и поцарапанных рук, пока он искал что-то особенное, чтобы удивить и порадовать принцессу.

Да. Это все стоило новых синяков и порезов, которыми его обязательно одарят дома за опоздание.

Они снова его избыют, а потом будут делать вид, что это нормально. А он снова промолчит, не расскажет никому. Потому что не может потерять ее. Потому что иначе — его уве-

зут. Арден повторял себе это каждый раз, когда становилось плохо.

Он протянул руку, касаясь ее щеки. Нильде не отодвинулась, доверчиво глядя на Ардена своими огромными синими глазами.

Она пахла солнечным светом. Мальчик наклонился ближе, почти нос к носу. Так, что Нильде могла разглядеть каждую родинку на его лице. Мягкие темные кудри коснулись ее щеки. Она не хотела уходить. Ей нравилась его близость, то, с какой нежностью смотрел на нее Арден, не подпускающий к себе никого.

Девочка наклонила голову к нему, ощутив теплое дыхание на своей щеке.

И тут мальчик мягко прижался губами к ее губам, крадя поцелуй.

Сердце Нильде заколотилось, она испуганно отпрянула от него.

Коснулась своих пылающих губ дрожащими пальцами.

— Нам нельзя такое делать! Это ведь запрещено, да? — спросила девочка. Ее голос был на октаву выше, чем обычно.

Она боялась, что он рассердится, но...

Щеки Ардена порозовели, он пожал плечами.

— *Это нормально.*

— Почему?

— *Потому что я твой,* — показал сбивчиво.

— Правда? — моргнула она.

— Да. Я твой. И вообще, ты сама меня поцеловала, — смутился Арден еще больше.

— Неправда!

Он отвел взгляд.

«Ладно. Может быть, это я к нему потянулась первая. Но поцеловал он! Или все-таки я? Бли-и-ин... Я теперь никогда ему в глаза не посмотрю...»

Нильде стало ужасно стыдно, хотелось сквозь землю провалиться.

Но Арден вдруг показал:

— *Когда мы вырастим, то я тебя поцелую снова. Если захочешь.*

Он глядел на нее. Почти торжественно, серьезно.

Девочка спрятала счастливую улыбку.

Она хотела.

— Нильде! Где ты?! Нильде! — слышался голос Николы.

Девочка воровато оглянулась. Она увидела силуэт старшего брата и стала судорожно отряхивать помятую одежду. Не хотелось, чтобы он узнал — вообще кто-то узнал.

Арден невозмутимо сунул руки в карманы, отстранившись.

— Сколько раз я говорил тебе не сбегать из дома?! — отчитал сестру Николай, встряхнув за плечи.

Нильде приподняла подбородок, встречая его взгляд.

— Ни, я просто хотела посмотреть на светлячков. И со

мною эльф, он бы не дал меня в обиду.

— Ну да, конечно, — выплюнул Николай, бросив в сторону хмурого мальчика пренебрежительный взгляд. — Ты хотя бы знаешь, кто он такой? Не знаешь.

— Мой друг!

— Ага, как же, — Николай поднял ее с земли, мрачняя. — И в каком виде твоя одежда, черт побери?!

Нильде ахнула.

— Это плохое слово!

— Не тебе сейчас меня поучать, — огрызнулся Николай. — Во всем виноват *этот*. Готов поспорить, отправиться ночью в лес было его идиотской затеей!

— Нет, это я хотела! — соврала Нильде, защищая Ардена. Тот лишь молча прожигал Николая убийственным взглядом. Несмотря на то, что он был младше Романова, Арден был высоким, почти его роста.

— Держись от моей сестры подальше. Даже не сомневайся, я обо всем сообщу папе.

Арден сжал зубы. Он мог напасть на Романова и выбить из него все дерьмо, но придурок держал Нильде на руках, а мальчик не мог допустить, чтобы куколка пострадала.

— Ты можешь врать маме или папе, можешь обвести ее вокруг пальца, но я вижу твое настоящее лицо. Такое же, как у него, — ненависть в голосе Николая пугала Нильде. Она сжала плечо брата.

— Эльф хороший, — попыталась она опять встать на за-

щиту мальчика. — Ругай меня, а не его.

— Что он тебе вбил в голову, что ты так рьяно за него заступаешься? — Николай прищурился с подозрением, переводя взгляд с сестры на мальчика.

— Ничего! Но мой Арден...

Именно эта фраза вывела Николая из себя окончательно.

Он резко выдохнул, и черты лица Романова ожесточились. Нильде никогда не видела его настолько взбешенным, потерявшим контроль над собой.

Обычно ласковый, добрый, Ник никогда не повышал голос рядом с ней, он был ее предметом обожания с тех пор, как она научилась ходить.

Николай приподнял девочку за подбородок, не больно, но твердо удерживая, и произнес:

— Его чертов папаша убил моего отца. Я слышал, как этот ублюдок говорил о моем родном папе. Я видел, как ему взорвали голову. И потом его мерзкий отец хвастался этим. Он хотел убить и меня тоже. Но дядя Дамиан... Наш папа его остановил. И наша мама. Она спасла меня и его. Из-за этого сукиного сына мама покалечилась и чуть не умерла. Я был в больнице с папой, и мы понятия не имели, выживет ли она вообще. А потом ты приводишь домой этого, — выплюнул Ник, бросив взгляд на Брута. — Он не лучше своего проклятого отца. Он станет таким же. Он уже это делает. Просто ты не хочешь видеть.

Арден не двигался. Его взгляд был отстраненным, словно

разговор шел и не о нем вовсе.

— Рассказал ли тебе твой драгоценный «друг», как сбросил своего одноклассника с лестницы? Как толкнул девочку под машину?

Чем больше Николай говорил, тем сильнее шумело у Ардена в ушах. Все поглощала тьма. Ему хотелось сжечь все кругом. Но перед этим разбить голову Николаю и утопить в собственной крови. Он уже представлял, как это сделает. Как возьмет большой камень, как ударит...

Единственное, что мешало осуществить задуманное — куколка.

Она все еще была в руках брата, перепуганная до смерти, расстроенная, заплаканная.

И, наверное, ее слезы отрезвили Ардена.

Он позабыл обо всем. Хотел только ее утешить.

Протянул руку к девочке, но Николай грубо отпихнул его. С такой силой, что он влетел спиной в дерево.

— Больше к ней ты не подойдешь.

«Это не тебе решать», — хотелось отчаянно выкрикнуть Ардену.

Это решать только ей. Выбор за принцессой.

Он был сыт по горло предрассудками.

Хотела ли Нильде с ним говорить?.. Поверила ли она своему брату? Видела ли теперь в нем уродливого монстра?

Арден искал ее взгляд, но девочка уткнулась Николаю в шею, сопя.

Ощущение острой потери и безнадежности охватило Ардена.

Все было зря. Она его ненавидела.

Как и все остальные.

Плечи девочки тряслись от слез.

Романов унес куколку домой, утешая, ласково разговаривая с ней.

Пока сердце Ардена медленно расколосось на тысячи осколков...

Понуриив голову, он обреченно поплелся домой, зная, что этой ночью спать ему не дадут.

Они будут пытаться его. Как делали всегда.

Они не виделись долго. Арден избегал ее. Не потому, что был обижен. И не потому, что злился. Просто на этот раз родители замучили так сильно, что он не смог это скрыть одеждой, как поступал обычно. Пришлось ждать, пока следы от побоев заживут. Пока синяки сойдут с лица.

Он и в школу не шел. Всем сказали, что Грейсон болеет.

Мальчик погладил своего скорпиона по голове и улыбнулся, когда тот зацепился за его пальцы, переползая на предплечье.

«Мой Сет...»

Он уже покормил питомца и почистил террариум. Арден очень внимательно и бережно к нему относился.

Наконец, оставив своего друга отдыхать, он натянул тол-

стовку и вышел из дома.

Ноги сами понесли его в сторону особняка Йохансенов.

Арден не знал, какотреагирует Нильде. Рассердится? Испугается? Прогонит его?

Он все равно хотел ее увидеть. Они дружили целый год, и Арден не представлял себе, каково это — лишиться ее общения.

Эти адские недели без куколки тянулись так тоскливо. Дни перетекали в сплошную серую массу, безрадостную и пустую...

Мальчик ждал ее у ворот. Терпеливо, часами. Пока они не открылись.

На миг он оцепенел от ужаса.

Боялся увидеть на ее лице презрение, ненависть. Или того хуже — жалость.

Нильде не сразу его заметила. Она стояла со своим старшим братом — Кайденом. О чем-то спорила. Даже топнула ногой.

Арден спрятал улыбку.

Как и всегда, куколка выглядела решительной и своенравной.

Кайден нахмурился, скрестив руки на груди. Зеленые глаза сузились, стоило парню заметить Грейсона у ворот.

Нильде проследила за взглядом брата и вздрогнула.

«Пожалуйста... пожалуйста... не прогоняй, куколка... Я так тебя ждал. Очень ждал...»

Она бросилась к нему, как маленький ураган, едва не сбив с ног.

— Ты опять пропал! — девочка с такой силой стиснула его руками, что Ардену стало тяжело дышать, но он только бесшумно рассмеялся.

Потому что она боялась его потерять. Потому что куколка цеплялась за него. Потому что она скучала по нему.

— Не делай так! Я много плакала...

Улыбка пропала.

Оцепенев, Арден никогда не обнимал ее в ответ.

Нильде шмыгнула носом. Видеть ее слезы было сродни выстрелу в грудную клетку. Он физически страдал от этого. Казалось, будто ему вбивали ржавые гвозди в сердце. Каждая слезинка заставляла все внутри изнывать.

Арден протянул руку, обхватывая ее щеку ладошкой. Нежно стирая слезы, утешая.

— *Прости, куколка. Я болел.*

В глазах Нильде промелькнула паника, и он мысленно себя пнул.

— *Но это пустяки. Ничего страшного,* — поспешил он заверить девочку. — *Честно. Я уже здоров.*

Кайден подошел к ним.

— Можешь пройти домой, — спокойно произнес он.

Арден окинул его настороженным взглядом. Но парень не был похож на человека, который устроит ему ловушку. Нет. Он просто... пригласил его к ним. Вот так, без допросов и

без обвинений.

«Странный какой-то. Я ему не доверяю».

— Родителей пока нет дома, я за главного, — с нетерпением пояснил Кай. — Лучше вам поиграть там, где я смогу проследить. У меня нет ни малейшего желания ходить за вами по пятам в лесу. Своих дел полно.

— Идем, Арден! — Нильде потянула лучшего друга за рукав толстовки. — Кай не будет мешать.

— Смысл тебе что-то запрещать, ты все равно тогда через окно сбежишь или, блин, дыру в стену просверлишь, — парень махнул рукой и пропустил их в сад. — Играйте тут, за забор не выходить.

Он скрылся в доме, оставив их наедине.

Нильде и Арден не сдвинулись с места. Они так и стояли в саду, рядом с качелями.

Никто не решался начать беседу.

— *Я сын убийцы... Ты все слышала той ночью.*

— Слышала.

Взгляд Нильде был задумчивым. Она смотрела куда-то вдаль.

— *Тебя это не волнует?* — показал Арден неуверенно.

— Нет. Ты все еще мой эльф. Какая разница, кем был твой папа? Ты не отвечаешь за его поступки, — девочка коснулась его дрогнувшей руки. — Мой папочка говорит, что наши родители не определяют то, кем мы являемся. Мне все равно, что твой папа был ужасным. Главное, что ты не такой.

«Но что, если я такой? Что, если я хуже?»

— *Николай не соврал. Я правда толкнул мальчика с лестницы. И из-за меня девочку чуть не переехала машина,*
— признался горько Арден.

Нильде нахмурила брови.

— Почему ты это сделал?

— *Он желал мне смерти. Ударил меня. Мы начали драться, и я отпихнул его в сторону лестницы.*

— А что с девочкой? Она тоже тебя дразнила?

Арден покачал головой. В его глазах блеснуло что-то.

Боль. Обида. Усталость.

— *Она пыталась котенка неподалеку от школьного двора. И я... Я просто хотел отобрать его из ее рук. Толкнул в сторону. Не знал, что там машина, — он пересказал историю, которую говорил уже раз десять остальным. — Мне никто не поверил. Они все думают, что это я убил котенка. Но я бы никогда...*

Он и не надеялся, что она поймет. Или поверит. Никто не верил.

Наверняка и куколка сейчас посмотрит на него с разочарованием.

Окончательно поймет, какой он мерзкий и пугающий...

— Они все глупые, — сердито засопела Нильде. — Так им и надо.

Арден ошеломленно моргнул, не веря своим ушам.

Она что, встала на его сторону?.. Заступилась?

— *Ты веришь мне?*

— Конечно.

Некоторое время они молчали, пока девочка вдруг не сказала:

— Не злись на Ни. Он не хотел тебя обидеть, просто...

Арден стиснул зубы до скрежета.

Ни. Гребаное Ни. Она звала его по-особенному.

— *Не хочу о нем слышать.*

Нильде понурила голову:

— Он мой братик. Я люблю Ни.

Что-то неприятно жгло в районе солнечного сплетения.

Ардену было невыносимо слышать это «люблю». Оно отличалось от того, как Нильде говорила «люблю» про папу, маму или Кайдена. Звучало с каким-то придыханием, ее глаза сияли, а ему дышать не хотелось вовсе. Убежать подальше, только не видеть этого.

Нильде осеклась, заметив выражение лица Ардена. Он выглядел так, словно его пнули.

— Давай покатаемся? — не дождавшись разрешения, она схватила мальчика за руку и потащила в сторону качелей.

— Обожаю качели!

Арден опустился рядом, раскачивая их.

Он оттолкнулся ногами от земли, наблюдая за девочкой.

На ее лице застыло выражение безмятежного восторга, Нильде радостно улыбалась, зажмурившись. На щеках появились ямочки.

Как мало ей нужно было для того, чтобы почувствовать себя счастливой...

«Мне тоже. Просто видеть ее улыбку — и боль стихает».
— *Держись*, — он прыгнул, чтобы раскачать ее сильнее.
Нильде рассмеялась, вцепившись в цепи.

Нильде — 9, Ардену — 12 лет.

Он бежал по лесу, в ливень, закрыв уши руками.

Ветер сметал все вокруг, вихрем кружился, сгибая кроны деревьев к земле.

Ботинки скользили по мокрой листве.

Голоса в голове сводили с ума.

Брут слышал их. Пульсирующие, злые, полные ненависти.
В тебя сидит дьявол.

Ты порождение зла.

Мы должны вытащить из тебя тьму.

Кричи.

Давай, открой рот и закричи.

Тогда мы остановимся.

Мы прекратим. Только закричи. Скажи что-нибудь.

Не хочешь? Значит это не закончится.

Зло выйдет рано или поздно из тебя.

Ты проклят, Брут.

Даже шум ливня не перекрывал их.

«Умрите, умрите, умрите, я хочу, чтобы вы все просто сдохли...» — он бежал так быстро, как только мог. Добрался

до небольшого домика на дереве.

Брут построил его сам, чтобы укрываться — тайное убежище.

Спотыкаясь на небольшой подвесной лестнице, мальчик с трудом пролез внутрь, потому что его трясло, а крепления были скользкими.

Арден упал на деревянный пол. Весь в крови.

Сегодня это был не привычный обряд экзорцизма с надрезами на груди и заклинаниями из странных книг.

Они разозлились, когда у них не получилось разговорить мальчика в тысячный раз. Зверски пытали. Не просто пощечина, как раньше.

Это напоминало Ксавьера.

«Ненавижу, ненавижу всех, ненавижу, ненавижу...» — твердил он мысленно, беспомощно обхватив себя руками.

Больше всего болела рука. Они разрезали ее ножом, загоня лезвие так глубоко, что кровь залила всю постель, к которой он был привязан, пропитала простыни. Но Арден все равно не издал ни звука. Просто не мог. Только дышал тяжело, задыхаясь от боли, терял несколько раз сознание.

Он промок под дождем, все силы ушли на то, чтобы добежать до домика. И теперь, когда он был внутри, легче не стало.

Послышался чей-то голос.

Подбородок Ардена дрожал.

Это все было за гранью того, что он мог вынести.

«Оставьте меня в покое. Просто отвалите все...»

— Арден! — снова крик.

«Пожалуйста, не надо, я больше не могу...»

— Ты тут?

«Нет, нет, нет, пожалуйста, уйдите... пожалуйста, не делайте мне снова больно...»

В голове все смешалось.

— Арден... — голос был ближе.

Кто-то поднимался. К нему.

Мальчик забился в угол, уронив голову на колени.

Он так устал. Так чертовски сильно устал.

— Эльф, ты здесь... — мягкий, родной до боли голос.

Паника стиснула грудь Ардена.

Только не она.

Не куколка.

Ей нельзя видеть его в таком состоянии.

Но было уже поздно.

Мокрые волосы и слезы застилали глаза.

Арден поднял голову. Глядя на нее сквозь мутный туман.

«Твою мать, зачем ты пришла именно сейчас? Когда я такой беспомощный, когда не способен притворяться...»

Он был зол на нее, но больше — напуган до смерти.

Если Нильде расскажет, его заберут у приемных родителей, вернут в приют. И они навсегда расстанутся.

Он потеряет ее. Последний свет в этом долбаном прогнившем мире.

— Что с тобой?! — она бросилась к нему, всматриваясь в темную фигуру.

Арден безудержно дрожал. Холод пронизывал его с ног до головы. Одежда вся промокла.

— Арден, ты ранен... — куколка всхлипнула, дотронувшись до его запястья.

Черт побери!

Он резко отдернул руку, едва удержавшись от шипения.

— *Не трогай.*

— Пойдем домой, моя мама тебе поможет, она...

Ужас проник в каждую клеточку тела.

— *Нет!* — Арден оттолкнул ее. — *Не говори им. Не говори маме или дяде Дами. Ты меня слышала?*

Нильде нахмурилась. Слезы продолжали течь по ее щекам.

— Но... но они могут помочь...

— *Если ты расскажешь им, я больше никогда к тебе не подойду. Не буду дружить. Поняла? Не прощу.*

На лице девочки отразилась борьба. Она была растеряна, сбита с толку, но все равно кивнула.

Если эльф не хочет, то придется молчать.

— *Это наша тайна.*

Нильде не нравились такие секреты...

— Тогда я принесу лекарство. Не уходи никуда, ладно? — она шмыгнула носом, глотая слезы.

«Куколка плачет из-за меня...»

Ее слезы ранили сильнее дурацких порезов.

— Не уйдешь? — повторила девочка громче.

Он кивнул.

— *Не плачь, маленькая. Мне совсем не больно.*

Нильде вытерла мокрые глаза рукавом розовой кофточки, не веря ни единому слову. Девочка знала, что он просто пытается ее утешить, чтобы она не расстраивалась. Арден постоянно так делал.

Когда Нильде вернулась в домик на дереве, дождь уже прекратился. Пыхтя, она затащила внутрь аптечку.

— Будем ее хранить тут.

Девочка деловито открыла маленькую коробочку, пока он тихо наблюдал за ней.

Рыжие волосы прилипли к лицу и худой шее, веснушки ярче выделялись на ее смуглом личике. Одежда промокла, но Нильде не обращала на это внимания.

Достала какую-то бутылочку.

— Немного пощиплет. Потерпишь?

Мальчик доверчиво протянул ей руку.

Кровь продолжала сочиться из глубокой раны. Кожа была рассечена, и зрелище было не из приятных.

Арден внутренне сжался. Но, вопреки опасениям, девочка не выглядела напуганной.

Она налила жидкость прямо на рану, заставив его откинуться головой об деревянную перекладину и тяжело задыхаться.

«А ты беспощадна, принцесса...»

— Прости, прости, прости! — она сочувственно подула на рану. — Обещаю, дальше будет хорошо.

Девочка не соврала.

Мазь, которую она нанесла на порез, не жгла. Нильде осторожно наложила мягкую повязку и стала заматывать бинты.

Ее пальчики двигались уверенно. Она знала, что делала. Наверное, заботилась прежде о ком-то.

— Очень болит? — спросила Нильде, закончив.

Подсела ближе, обеспокоенно вглядываясь в его лицо.

На мгновение он позабыл обо всем, утонув в синих огромных глазах. Боль утихла.

Отрицательный кивок.

Арден провел пальцами по костяшкам ее пальцев.

Щеки Нильде вспыхнули. Сердце стучало так громко.

Она хотела взять его за руку. Очень хотела.

Не просто тронуть, а держаться, чтобы он...

— Нильде! — голос Кайдена вывел Нильде из мыслей.

Арден подтолкнул ее к выходу.

— *Увидимся завтра.*

Нельзя допустить, чтобы ее брат узнал.

— Ты точно в порядке?

— *Точно*, — он выдавил из себя фальшивую улыбку.

Поколебавшись, Нильде все же стала спускаться. Арден просил ее сохранить тайну, и она не могла нарушить слово.

Нильде — 10, Ардену — 13 лет.

Нильде сидела под старым вязом, поджав ноги и уткнувшись в толстую книгу. Ветер трепал ее кудрявые волосы, и она сосредоточенно вела пальчиком по пожелтевшей бумаге.

И все равно слышала. Его шаги. Он никогда не приближался вплотную. Всегда стоял немного поодаль, как волк в тени.

Ждал, когда она заметит.

— Арден, — позвала девочка, не поднимая головы. — Ты снова следишь.

Он, конечно, ничего не ответил.

— Идешь читать? — Нильде подвинулась, освобождая ему место. — Цикл «Тайна дома с часами». Там будет приключение. Тебе понравится!

— *«Призрак в зеркале»?*

— Да.

Мальчик сел рядом, облокотившись спиной о дерево. Внимательно слушая.

Нильде читала вслух — с выражением, детскими интонациями. Иногда спотыкалась на словах, и Арден незаметно кивал, подсказывая взглядом.

— Вот! Я знала, что это была не простая картина! Ты тоже догадался?

— Да.

Книга была захватывающей.

— Знаешь, когда ты рядом, мне никогда не страшно, — внезапно выпалила Нильде. — А если что-то меня пугает, я

просто думаю о тебе. И страх уходит.

Она дотронулась до его рукава.

Маленькая звезда, которую случайно пустили в его мрачную вселенную.

— Ты знаешь, как заканчиваются сказки? — тихо спросила. — Там всегда есть кто-то, кто был чудовищем, но стал хорошим. И принцесса никогда не боится его. Она держит его за руку.

Он тяжело сглотнул.

— *Чудовища умирают, а принцесса остается с принцем,* — показал мальчик в ответ.

— «Иногда свет прячется внутри монстра»... — Нильде повторила вслух слова из книги и посмотрела на него.

Мальчик глядел не на книгу.

На огненные пряди волос, рассыпанные по плечам. Густые ресницы. На то, как у нее слегка дрожали пальцы, когда Нильде переворачивала страницу. На то, как морщила носик, уходя в свои мысли. Россыпь веснушек. Все сорок семь. Он пересчитал каждую.

— Думаешь, это правда?

Он не ответил. Но Нильде заметила, как Арден отвел глаза, как пальцы вцепились в траву.

Эта цитата что-то тронула в нем.

— Я вот считаю, что да, — прошептала девочка и накрыла его ладонь своей. — Просто не все хотят этот свет увидеть.

Он застыл. Не убрал руку.

Она подтянула ноги к груди, продолжая читать, а потом остановилась и спросила:

— Ты иногда бываешь счастлив? Хотя бы немножко?

Арден не ответил.

Нильде не ждала. Она склонила голову набок, глядя на него искренне, по-детски наивно и слишком честно:

— Мне хочется, чтобы ты улыбнулся. Только не фальшиво, как ты делаешь, лишь бы отвязались. А по-настоящему. Ты знаешь, как это — улыбаться?

Мальчик снова опустил глаза на землю.

Конечно, Арден знал. Точнее, помнил. Когда-то давно...

Она долго смотрела на него, потом провела пальчиками по его щекам вверх, слегка натягивая уголки губ:

— Вот так. Видишь?

Брут покраснел.

Слишком неловко. Слишком близко. Он отодвинулся, но не резко — так, будто боялся спугнуть что-то невероятно драгоценное.

Нильде хихикнула.

— Уже лучше.

«Ты мой свет», — хотел сказать Арден. Но не мог.

— А давай будем приходить к нашему дереву, даже когда вырастим? — однажды сказала она ему в лесу. — Я буду приходить, и ты приходи, — повторила. — Даже если мы будем в ссоре. Хорошо?

— *Обещаю, куколка.*

— Ты знаешь, что такое капсула времени?

— *Да.*

— Может, сделаем? Откроем через много лет... — ее глаза воодушевленно заблестели.

Они зарыли свои послания под деревом.

Тем самым, которое облазали вдоль и поперек.

Могущественном, с густой кроной.

«Наше место...»

— Что ты написал? — тут же стала допытываться девочка.

— *Не скажу. Не сбудется,* — отказал он.

— Ну пожа-а-алуйста! Расскажи!

— *Нет.*

— Арден! Нечестно!

— *Даже не пытайся, куколка.*

Он сидел в домике с опущенной головой. Скрипнули деревянные доски.

Арден не дрогнул. Знал, что это она.

Нильде опустилась на колени рядом. Ей было больно видеть эльфа таким.

Его губа кровоточила, на скуле расцвел синяк. Мальчик раздраженно вытирал рот рукавом серой толстовки, но кровь продолжала беспрерывно капать.

— Не трогай, я сама, — попросила девочка.

Он послушно опустил руку. Ладонь невольно прижалась к

ребрам. Болело. Потому что в этот раз они его били ногами.

В голове не было ни единой мысли.

Пустота.

Черная, липкая пустота.

Бездна.

Нильде промокнула ватку чем-то жгучим и прижала к его губе.

Мальчик даже не дернулся.

Когда что-то плохое повторяется раз за разом, ты просто... привыкаешь. Каким бы чудовищным ни было происходящее.

Ты убеждаешь себя, что это нормально. Привычно. Ты учишься выживать. Потому что иначе... Ты просто свихнешься. Не справишься. Сломаешься.

Нильде закончила перевязывать его ребра.

Ее голос все-таки задрожал:

— Очень больно?

Мальчик достал из кармана сложенную бумагу.

Детский рисунок. Ее рисунок.

Простыми цветными карандашами. Дом, дерево и двое под ним.

— Ты его сохранил? — она взяла бумагу, глаза отчего-то защипало.

— *Я сохраняю все, что ты мне даришь.*

Только Нильде не улыбнулась.

— *Принцесса... Не плачь. Пожалуйста.*

— Ты меня постоянно оберегаешь. Я тоже хочу тебя защитить. Только не знаю как, — она шмыгнула носом, и он нежно обхватил ее щеку ладонью, стирая слезы.

— *Ты уже это делаешь.*

— Ненавижу твоих родителей. Ненавижу, когда тебе больно.

— *Я забываю о боли рядом с тобой. Ты ведь лечишь все мои раны,* — улыбнулся Арден, опустив глаза на повязку.

Нильде никогда не любила, когда трогали то, что она считала своим.

Игрушки, платье, шляпки и друзей...

Она стояла у школы, ожидая Кайдена, когда заметила Ардена во дворе. И девочку рядом с ним.

Очевидно, одноклассница. Старше Нильде. Она была красавицей, с блондинистыми волосами, которые спадали по спине до самой поясницы. Они переливались под солнцем, и незнакомка мягко улыбалась Бруту.

Он не хмурился. Слушал ее, что-то ответил на языке жестов. Она его понимала.

— Арден! — позвала Нильде, помахав рукой.

Мальчик сразу обернулся.

Заметил.

Направился к ней быстрым шагом.

— *Что ты тут делаешь?*

— Жду Кая. Он на минутку отошел. Забыл форму.

— *Ясно.*

Девочка рядом с Арденом одарила Нильде милой улыбкой.

— Это твоя сестричка?

«Нет!» — мысленно возмутилась рыжая.

— *Можно и так сказать.*

«А вот и нет! Никакая я тебе не сестра!» — она едва не расплакалась от досады.

— Это мой эльф, — хмуро объявила Нильде, ее пальчики впились в ладонь Ардена, заставляя его удивленно вскинуть голову.

«Она сердится. Почему куколка сердится? Что я сделал не так?»

Нильде выглядела расстроенной. Ему это не нравилось.

Одноклассница вздохнула, но это мало волновало Ардена. Все его внимание было сосредоточено на принцессе. Она крепче сжала его ладошку.

Когда они остались наедине, он опустил перед ней на корточки.

— *Что случилось, куколка?* — показал Арден.

— Я не хочу, чтобы ты играл с кем-то, кроме меня. Никогда не играй с другими.

— *Не буду,* — пообещал Арден, ощутив что-то теплое внутри.

— Особенно с девочками.

— *Мне и не хотелось.*

Нильде — 11, Ардену — 14 лет.

Она умерла, когда ей исполнилось одиннадцать. Однажды ее маленькое сердце просто остановилось. Перестало биться. Нильде пережила клиническую смерть. И после этого месяцами лежала в больнице.

Они с эльфом не виделись в этот период — когда она была госпитализирована.

Он куда-то пропал.

Нильде ужасно сильно по нему скучала. Родители меняли тему, когда она спрашивала о мальчике.

Почему все избегали его имени? Что произошло с Арденом?..

Эти вопросы не давали ей покоя.

— Как поживает моя Iskorcka? — послышался родной голос, и Нильде радостно встрепенулась.

— Ни!

— Привет, котенок, — Николай сел на краешек кровати, погладив сестру по волосам. — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо! Но хочу домой, — пожаловалась девочка, прильнув к его руке.

— Знаю, моя хорошая. Потерпи немножко, — Николай подоткнул ей одеяло. — Врачам нужно починить твое сердце.

— Я всегда болею, — поникла она. — Я никогда не выздоровею, Ни? Никогда не буду нормальной, как другие? —

синие глаза наполнились слезами, и Николаю стало больно.

— Ты и так нормальная, — уверенно сказал он. — А сердечко твое мы вылечим. И все будет хорошо, — Нильде протянула к нему руки, крепко обнимая, и Ник поцеловал ее в макушку. — Все хорошо, я всегда буду рядом, сестренка.

Кайден вошел в палату.

Он улыбнулся, увидев, как они обнимаются:

— Бесенок, привет.

— Кай! — ее глаза радостно вспыхнули. — Ты приехал! А как же твои съемки?!

— Конечно приехал, солнышко, разве я мог не навестить тебя сегодня? — Кайден уселся рядом и сжал руку младшей сестры. — Фильм подождет. Ты важнее всего для меня.

— Кай... Спасибо...

— Для меня тоже, — встрял Ник и слегка ущипнул ее за щеку. — Я отказался от поединка, так-то.

— Но ты очень долго готовился, Ни, — ошеломленно прошептала Нильде. — Я думала, бокс для тебя самое главное. Ты ведь так любишь это...

— Не существует ничего, что бы я любил сильнее тебя, — Николай потрепал ее по волосам. — Ты моя семья. Моя младшая сестра. Разве я могу сейчас бросить моего котенка и уехать в другой штат на состязания? Не могу. И никогда не стал бы.

Обычно братья вечно были заняты, но когда она нуждалась в них, они были рядом. Как надежный щит.

Нильде искренне улыбнулась.

Арден провел пальцами по влажной земле.

Пустой, лишенный чувств взгляд скользнул по крошечному кресту.

Могила Сета.

Дань памяти преданному маленькому скорпиону, которого Арден вырастил. Который был его другом последние шесть лет.

Которого раздавили.

Отрывали лапы, с хрустом.

Одну за другой.

Кровь была голубая. Не красная, как у Рекса.

Они поплатились за это жизнью.

Те, кто навредили его другу.

Это Арден не забыл. Он прекрасно помнил, что и как сделал.

Как жизнь покидала их полные ужаса зрачки.

Как они горели.

Заживо.

Молили о пощаде, а он только смеялся.

Они хотели монстра, они получили монстра.

Брут с ними расправился.

Никому теперь не спастись в этом городе от его яда.

Он терпел. Слишком долго. И это привело к тому, что Сета убили.

Жертвоприношение.

Сегодня ты умрешь, Брут.

Наступил тот самый день, которого мы с нетерпением ждали.

Именно ради этого мы тебя забрали с приюта.

Чтобы совершить ритуал.

В ночь полнолуния.

Мы собираемся тебя убить.

Перережем тебе горло, а потом по частям...

Обрывки фраз жужжали в сознании, как назойливые помехи.

Арден стиснул зубы.

Он не знал, почему его не забрали в тюрьму.

Не завели даже дело.

Сейчас он жил в новой приемной семье.

Все произошло так быстро...

Отец Нильде все устроил. Мужчина помог выбрать новый дом, внимательный к желаниям Ардена. Никакого давления. Только терпение и понимание.

В конце концов, его усыновили Блэквуды — семья мультимиллиардеров. Бизнес магнаты. Потомки древней королевской семьи.

Их особняк был огромным, светлым, с кучей игровых комнат и бассейном.

Ардену было плевать. И на титул Блэквудов — он даже не интересовался, и на окружающую обстановку.

Грейсон больше не доверял никому. Что-то в нем умерло.
Вместе с гибелью Сета.

Блэквуды жили не одни. В семье уже были усыновленные дети.

Подростки.

Мальчик постарше и девочка, одного возраста с Брутом.

Его приемные брат и сестра.

Арден не любил с ними общаться.

Девочка была милой, вечно норовила провести время с новым братиком, но тот хмуро захлопывал дверь перед ее носом.

«Слишком шумная».

Хейд, напротив, враждебно относился к Бруту с первого дня появления. Его чертовски злили попытки Оливии подобраться к брату, подружиться с ним. Он не позволял им остаться наедине ни на минуту.

«Пошел к черту. Будто мне есть дело до этой глупой девчонки».

Единственная, до кого ему было дело...

Единственная, кто имел для него значение...

Это ради нее Арден сейчас держал в руках огромный том медицинского справочника.

Листал страницы, изучая пытливым взглядом каждое слово.

Электромеханические основы работы сердца.

Физиология клапанных аппаратов.

Механизм тахикардии при синдроме слабости синусового узла.

Ее сердце доходило до пика сокращений, а потом просто замирало. Замедлялось.

Как тогда...

Вспышка ужаса заставила Ардена содрогнуться.

Он мог спокойно, с извращенным удовольствием, вспоминать горящих Уилсонов, их изуродованные лица, корчащиеся тела в агонии, но не день, когда чуть не потерял куколку.

— *Изменение мышечной ткани сердца, — мальчик поморщился, делая пометки на полях. Родители покупали все, что Арден хотел — а хотел он последние месяцы только медицинские книги. — Нарушается генерация ритмичных импульсов. Так, это потому что в синусовом узле не хватает пейсмекеров. Вот оно что. А значит и возбуждение в миокарде предсердий не будет проводиться, — очередная пометка. — Когда в синусовом узле нет импульса, то миокард не сокращается. Кровь не поступает к органам. От недостатка кровоснабжения страдает мозг. Это приводит к синкопе — потере сознания...*

Арден днями напролет изучал информацию.

Он всегда был способным, особенно в том, что ему действительно было интересно.

Тихий скрежет заставил мальчика оторваться от чтения.

— *Осирис, — он поднял крышку, и крошечный скорпион тут же пополз по вытянутой руке, цепляясь клешнями за*

одежду. Черный, с изумрудным отливом. Красивый до безобразия. Этот кроха завоевал его сердце с первого взгляда. — *Хочу тебя познакомить потом с моей куколкой. Вы по-дружитесь.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.